

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1860.

Вчерась скончался генераль Ростовцовъ, и весь Петербургъ и вся Россія говорятъ объ этомъ какъ объ историческомъ событіи. Государь глубоко огорченъ потерю привязаннаго слуги, который въ 1825 г. молодымъ человѣкомъ доказалъ преданность фамиліи, описанную бар. Корфомъ, и съ того времени постоянно находился до 1847 г. при лицѣ вел. кн. Михаила, а съ того времени при нынѣшнемъ Императорѣ. Онъ готовился быть первымъ министромъ, совершителемъ крестьянскаго дѣла и преобразователемъ управленія. Объ немъ жалѣютъ либералы, литераторы и начальники военно-учебныхъ заведеній. Для дворянъ смерть его есть торжество и удачная случайность. Крестьяне потеряли въ немъ услужливаго друга, но едва ли прекреняго. Государство ничего въ немъ не потеряло: онъ подобострастно былъ преданъ, не имѣлъ ни въ чемъ достоинства самостоятельности и введеніемъ исключительности дворянства и внѣшности, съ прибавкою ложной патріархальности и настоящаго nepотизма, довелъ военно-учебныя заведенія до того состоянія, которое, при малѣйшей возможности, вызывало открытія порицанія и осмѣянія въ печатныхъ статьяхъ Морскаго Сборника и въ повѣстяхъ бывшихъ воспитанниковъ. Въ послѣднее время, сдѣлавшись временщикомъ, онъ рѣшился взяться за крѣпостное дѣло и въ самообольщеніи, окуряемый прославленіями экспертовъ, мечталъ о

*) Записки сенатора Кастора Никифоровича Лебедева „Труды и Дни“, какъ называлъ онъ ихъ, поступали къ намъ для изданія не сразу; отъ этого они сначала (по 1849 годъ включительно) появлялись въ нынѣшнемъ году „Русскаго Архива“, тогда какъ рассказы о времени съ 1853 по 1859-й годъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888—1897 годовъ. П. Б.

преобразованіи государства, о которомъ ни практически, ни теоретически онъ не имѣлъ понятія.

Но онъ былъ чистъ, не воръ; онъ былъ безъ предубѣжденій касты, не гаситель; онъ былъ прогрессистъ даже при Николаѣ, хотя въ сферѣ довольно невинныхъ стремленій, и это уже важно: онъ открыто обличалъ Еврейскія интриги посла (въ позднѣйшее время). Онъ, видѣвшись съ Шереметевымъ во Франкфургѣ, не открыто, но откровенно отзывался о генералѣ Муравьевѣ: „ему ни въ чемъ вѣрить нельзя, онъ нехорошій человѣкъ; онъ вамъ родня: я бы сказалъ болѣе“. Онъ, изъ популярности и гонора, поощрялъ науки и привелъ дѣло къ ученымъ учебникамъ, въ родѣ грамматики Буслаева, подчиня и ученіе, и программы канцелярскому порядку и какъ въ заведеніяхъ, такъ и въ учебникахъ и программахъ довольствуясь одною формально-стию, фронтисписомъ, фронтомъ.

Миръ праху твоему, слабый человѣкъ! По мѣрѣ силъ, ты совершилъ болѣе, нежели многие, болѣе сильные, и въ этомъ твоя заслуга и наша признательность. Ты сдѣлалъ менѣе зла нежели могъ, и твое отрицательное добро далеко выше тѣхъ положительныхъ усилій превратности, своекорыстія, закоренѣлыхъ предразсудковъ и сытой оплошности. Будетъ-ли твоимъ преемникомъ гр. Панинъ (ибо реакція необходима) или генералъ Муравьевъ (такіе фортели и экспедіенты нынче въ ходу), ст.-секр. Валувъ (съ которымъ Государь говорилъ, пригласивъ его и Муравьева къ обѣду, о крестьянскомъ дѣлѣ) или ст. секр. Булгаковъ, прямой помощникъ по редакціоннымъ комиссіямъ, все равно: твои труды и данная имъ гласность будутъ имѣть вліяніе и авторитетъ на самаго Панина, и участь крестьянина и 20 милліоновъ воспользуется благими запутанностями рескриптовъ, которые могли быть объяснены по Русскому обычаю толкованіемъ разума законовъ, и въ смыслъ противоположномъ смыслу главныхъ дѣятелей, Н. Милютинъ, Ю. Самарина и кн. В. Черкаскаго. Миръ праху твоему! Да будетъ тебѣ легка мать-земля и благосклонна милость милосердаго Бога! 8 Февраля.

*

По случаю разныхъ преобразованій (какъ въ началѣ Александра I) обращеніе къ планамъ и работамъ Сперанскаго вызвало напечатаніе нѣкоторыхъ (теоретическихъ) работъ его, далеко для современности не научныхъ, и біографіи знаменитаго государственнаго человѣка, изъ которыхъ одна, Мих. Лонгинова, напечатана въ 19 и 20 №№ „Русскаго Вѣстника“ 1859 г., а другая, барона Корфа, передана Государемъ гр. Блудову. При существующей свободѣ цензуры Московская біографія изобилуетъ любопытными объясненіями, и въ ней изложено не только содержаніе знаменитаго письма (изъ Перми 1813), но изложено и актъ

обвиненія и партіи и ихъ интриги, кажется, по сочиненію Н. Тургенева. Лонгиновъ не совсѣмъ исчерпалъ предметъ и не пользовался общеизвѣстными актами. Такъ напр. онъ и не приводитъ указовъ 3 Апрѣля 1812 г. (по Полн. Собр. № № 25.073 и 74), въ которыхъ, по мнѣнію моему, актъ обвиненія въ запутанности финансовъ подтверждается несомнѣнно.

Цензура поворачивается. Говорятъ, что съ преобразованиемъ ея личнаго состава бар. Медему, въ Петербургѣ и сенатору Щербинину, въ Москвѣ, приказано постепенно обуздывать всякое стремленіе и отдаленные намеки, клонящіеся къ ослабленію власти верховной и вообще правительства, уваженія къ высшимъ сословіямъ и твердости властей мѣстныхъ, осмѣяніе которыхъ дошло до личностей, до пасквиля, не только въ „Искрѣ“ (гдѣ много шуму надѣлалъ зять Васильчиковыхъ Лужинъ за Харьковскую статью „изъ Нерчинска“ о Грязевѣ, Артеміи Гулянинѣ (бывшій ректоръ Артемовскій-Гулакѣ), панъ Иванъ (Лужинъ) и пани Наталка (жена). Онъ сдѣлалъ обыскъ у студентовъ и нашелъ книги и листки Герцена, о которыхъ студенты отозвались, что получили отъ профессоровъ. На „Искру“ злятся давно, но и на статьи въ журналахъ и дневныхъ газетахъ.

Реакціи ожидать надо. Она, во первыхъ, въ порядкѣ вещей; во вторыхъ, литература невольно зашла далеко; въ третьихъ, либеральная партія слабѣетъ, особенно отъ безуспѣшности ея начинаній. Я думаю, она проявилась бы и ранѣе въ Ковалевскомъ министрѣ, если бы не совался тутъ гр. Панинъ, котораго Ковалевскій, министръ и братъ его Егоръ, предсѣдатель широкозадуманнаго „общества вспомошествованія бѣднымъ литераторамъ“ терпѣть не могутъ. Но толку тутъ мало, и непослѣдовательность, въ настоящее время, безъ наказанія не остается.

Есть какой-то фатализмъ въ стеченіи событій, и я боюсь гнѣва Немезиды въ отмщеніе за одностороннее и своекорыстное правленіе императора Николая, которое было для Россіи тѣмъ гибельнѣе, что оправдывалось, повидимому, событіями предыдущими, оправдываясь и внѣшнею стороною настоящихъ, и истекало изъ личнаго убѣжденія, доходившаго до религіозной самоувѣренности. Я полагаю, что мы на канунѣ революціи, и революціи несчастной, т.-е. не благовременной, не удачной, не совершимой: ибо, при огромныхъ матеріалахъ разрушенія, нѣтъ элементовъ созиданія, и потому жертва, которая необходима и будетъ, будетъ напрасна. Болѣе нежели когда нибудь намъ нужны преобразования, но прежде преобразованій нужно сильное правительство, а сильнаго правительства нѣтъ, ибо полновластные наши министры такъ мало могутъ рассчитывать на постоянство Государя и такъ много должны уступать напору общаго мнѣнія, что въ дѣйствіяхъ ихъ глав-

ное качество—нерѣшительность, второе—оградить себя и третье—опрометчивость. За этими побочными цѣлями самообезпеченія, они не видятъ настоящей. А событія не останавливаются, кругъ порицателей расширяется, сопротивление слабѣетъ, матеріальныя средства истощаются и несостоятельность существующаго порядка, въ правленіи и управленіи, объявляется яснѣе и общепонятнѣе.

Ходятъ черныя тучи. Слышны зловѣщія птицы.

Всенеобходимо, настоятельно, страшно-нужна—конституція.

Что сдѣлаетъ гр. Панинъ? Онъ въ 20 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Онъ презираемъ аристократами и либералами, онъ ненавидимъ демократами. Онъ уменъ, характеренъ, безкорыстенъ и свѣдущъ; но имя его пробуждаетъ предубѣжденіе, но взглядъ его одностороненъ, но его понятіе о законности чисто-формальное. При обсужденіи дѣла объ усиленіи губернаторской власти онъ пошелъ далѣе всѣхъ министровъ и головою отдалъ товарищей прокуроровъ во власть губернаторовъ. Руководствуясь Англійскими принципами, онъ готовъ, въ необходимости, на уступки радикальныя; но бѣда въ томъ, что эти уступки, эта готовность не искренни, и это его погубить. Я его знаю. Фортели и экспедіенты теперь недостаточны, а гр. Панинъ исключительно вѣрить формальности, ожидаетъ улучшеній отъ манифестацій и всегда ограничивается полумѣрами, страшась мѣръ прямыхъ и предоставляя времени высказаться.

Все говоритъ о крѣпостномъ вопросѣ, и недовольные приѣмомъ гр. Панина депутаты отъ дворянства, и члены комиссій, предвидя всѣ затрудненія въ работахъ неприступнаго предсѣдателя, желали бы удалиться и снять съ себя отвѣтственность, которая вѣстями изъ губерній и высокими цѣнами растетъ въ ужающей пропорціи. Унковскій и Европеусъ сосланы въ Пермь, Вятку. Все говоритъ о цензурѣ, допускающей соблазнъ смѣлости противъ правительства и пасквилъ личностей до самозабвенія барышническихъ расчетовъ. Въ Совѣтъ Министровъ шла рѣчь, по поводу энергическихъ статей противъ акціонерныхъ обществъ, о постановленіи болѣе положительныхъ правилъ въ огражденіи чести и кредита.

Говорятъ объ исторіи Харьковскихъ студентовъ. Тамъ съ 1855 г. образовалось какое-то общество политическое, нечуждое связи съ Польскими тенденціями Волыни и Подола, перешедшее въ 1857 г. въ оппозицію правительству и управленію, путями писанной литературы, особенно пасквилей. Губернаторъ Лужинъ, разсерженный пасквилемъ въ „Искрѣ“, напалъ на слѣдъ и донесъ сюда. Гр. Панинъ нарядилъ оберъ-прокурора Путилова для производства слѣдствія; но, кажется, Совѣтъ

призналъ удобнѣйшимъ привезти виновныхъ въ Петербургъ, и 12—15 человѣкъ препровождаются сюда.

Графъ Муравьевъ-Амурскій принятъ Государемъ очень дурно. Объ немъ очень много трубили, особенно в. князь Константинъ. Вѣсти, идя отъ Амура, росли непомерно, и изъ генераль-губернатора сдѣлали создателя, реформатора и просвѣтителя. На дѣлѣ говорятъ совсѣмъ не такъ. Муравьевъ ввелъ или усилилъ старый произволъ, нетерпѣливое пристрастіе и самонадѣянную опрометчивость. Общее мнѣніе то, что онъ не возвратится въ Иркутскъ, и въ обвиненіи его насчитываютъ: дружбу съ родственникомъ его, Нѣмецкимъ диктаторомъ, ссыльнымъ Михаиломъ Бакунинымъ, который, будучи обязанъ жить въ Западной Сибири, свободно пріѣзжалъ въ Иркутскъ и на балахъ и обѣдахъ игралъ первенствующую роль. Это доносъ жандармскій.

Убіеніе любимцемъ Муравьева Беклемишевымъ другого, павшаго любимца, Неклюдова, брата Замятниной, которая, будучи близка къ Императрицѣ по Николаевскому институту, подняла на ноги мужа (товарища гр. Панина), и убійство, совершенное въ насильственной дуэли, признано судомъ, и теперь Беклемишевъ и всѣ подобострастные креатуры подъ стражею, не смотря на покровительство и ходатайство Ник. Ник. Муравьева. Генераль Венцель, въ управленіе котораго это случилось, посаженъ въ Сенатъ.

Сотоварищъ Петрашевскаго, Спѣшневъ, поступившій съ каторги въ издателя „Иркутскихъ Вѣдомостей“, не имѣлъ права выѣзда, а Муравьевъ привезъ его съ собою въ Петербургъ.

Да, но все это какія-то личности и мелочи, за которыя организаторъ края не долженъ бы оставлять поприще, на которомъ государственныя заслуги дали ему и громкую извѣстность, и графское достоинство. Вина его, говорятъ, другая. Соревнуя другому графу, адмиралу Путятину, гр. Амурскій открылъ „Морской Сборникъ“ и слухъ его покровителя, Константина Николаевича, статьямъ и запискамъ декабриста Завалишина, который доказываетъ, что Амурское дѣло есть темное пятно царствованія Александра II, что управленіе гр. Амурскаго есть сцѣпленіе несообразностей, расхищеній, обнищанія Забайкалья, презрѣнія всякой независимости. Обвиненіе это другого порядка. Я не записываю его, въ ожиданіи обстоятельнаго разсмотрѣнія документовъ, которые мнѣ обѣщаны. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто и зависть, и личность, и месть, и предубѣжденіе.

*

При воцареніи демократіи, а съ нею и начала народностей, самое недемократическое и ненаціональное государство, Австрія, совершенно выбилась изъ колеи; потеряла тактъ и сбилась съ голоса. Мнѣнія кон-

ституціи и первыхъ министровъ, наслѣдница Священной Римской Имперіи совершенно не знаетъ, какую формою сплотить эти разнохарактерныя народности и, не смотря на похвалы и прославленія своихъ чиновниковъ Глюнека, Чернига и под., остановилась на совѣщательномъ представительствѣ въ составѣ Государственнаго Совѣта. Ему же поручаетъ она и финансы, для которыхъ едва ли и самыя рѣшительныя представительства могутъ что нибудь сдѣлать. Запутавшись внутри, Габсбурги съ тѣмъ же головокруженіемъ дѣйствуютъ и во внѣшней политикѣ. Цесарская гордость не могла согласиться съ безцеремонностію своего Русскаго брата, принявшаго роль опекуна и покровителя, и оставя Россію и Пруссію, съ которыми связываютъ ее и сопредѣльность и сходство прошедшаго, она отдалась однако, по конкордату, Папѣ, вассалу Франціи, и соединилась съ западными державами то для того, чтобы сторожить Балканы и за это быть покойною за Альпы, то для того, чтобы бросить подозрѣніе на Пруссію и за это подчиниться дружеству Франціи, воевавшей за Пиемонтъ, заклятаго врага Австріи. Какъ отозвались ей эти превратности и предательства, очевидно изъ современныхъ событій и если бы не соревнованіе Англіи и Вюрцбургскія интриги, одиночество Священной Имперіи низвело бы ее на степень мелкаго государства.

Все это пришло мнѣ на мысль при чтеніи ноты гр. Рехберга 14 Февраля, въ которой Австрія, заключавшая на дняхъ трактатъ съ Сардиніей, съ обычными увѣреніями, отзывается объ этой державѣ какъ отзывалась въ Февралѣ 1858 г.

Если дипломатическія преданія изглаживаются даже въ Австрійской канцеляріи, то гдѣ же искать ихъ? Нота гр. Рехберга написана умно и благородно, но тѣмъ явственнѣе обличаетъ она смѣшеніе началъ и вторженіе новаго порядка вещей, въ которомъ рациональность, народность и естественность вытѣсняють и Божію милость, и историческую династичность, и обязательность трактатовъ. Монархіи чистыя невозможны, и самыя смѣшенныя подмываются въ основаніяхъ и поддерживаются личностями. Государь! Дайте Россіи конституцію. Все измѣнится въ Россіи и въ Европѣ, когда великая восточная держава утвердится и развернется на законномъ поприщѣ. Я знаю, что въ настоящее время диктаторской необходимости парламентное управленіе едва ли совмѣстно; ходъ крѣпостного дѣла и измѣненіе несостоятельнаго порядка Николаевскаго управленія требуютъ исполнительности смѣлой, Русской; но возраженіе это, вездѣ дѣйствительное, къ Россіи не примѣняется. Развитіе наше такъ слабо, что борьба партій и участіе толпы и печати у насъ обуздать гораздо легче нежели предупредить неудачи и ошибки, которыя уже допущены въ крѣпостномъ дѣлѣ, въ

преобразованіяхъ управленія и въ критикѣ. Тогда бы не посмѣли гг. министры тревожить націю самовольными распоряженіями; тогда бы не упалъ нашъ рубль на 350 сантимовъ, и довѣріе банкировъ и биржи избавило бы насъ отъ содѣйствія банкротовъ: тогда и Австрія и Пруссія знали бы чего держаться,—и вся страна съ Нѣмцами и Поляками составила бы одно цѣлое, свободное, развитіе котораго уничтожило бы опасенія ребяческихъ и зрѣлыхъ заговоровъ, притязаній и противодѣйствій. Тогда бы и этотъ Французскій брандонъ и брульонъ не выдавался бы, не пятался безнаказанно, а дѣйствовалъ бы осмотрительно и послѣдовательно хоть хочется и колется, не играя вмѣшательствомъ, не мѣняя системъ и не подчиняя участи народовъ капризамъ Имперіи и ожиданіямъ всякихъ случайностей, въ которыхъ газеты забавляютъ разсказами: перехитритъ-ли тонкій Итальянецъ или загадочный Французъ.

Мы еще далеки отъ преобразованій, таскаемыхъ въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ; но вотъ уже начинаются широкія дискреціонныя мѣры, и положеніе Комитета Министровъ 12—24 Января о безсрочно отпускныхъ, напоминающее указъ 1817 г., заключающееся собственно въ томъ, чтобы „безъ слѣдствія и суда“ высылать ихъ въ команды, лишать нашивокъ и общей отставки по однимъ удостовѣреніямъ городничихъ, исправниковъ, окружныхъ начальниковъ и даже удѣльныхъ приказовъ (съ правомъ ареста), очень напоминаетъ осадное положеніе, которое наши публицисты такъ охотно порицаютъ въ Венеціанскихъ владѣніяхъ. Куда же мы пришли и куда мы идемъ? Раздраженіе личностей, терпимость къ извѣтамъ, наглость ихъ свободы и равнодушіе ко всякому дѣлу характеризуютъ нашу матеріальную эпоху, для обузданія которой нѣтъ ни силы воли, ни силы знанія.

Графъ Панинъ, при приѣмѣ депутатовъ, ошельмовалъ предводителя дворянства, графа Шувалова, доктринально приглашая дворянъ не бывать у него, ибо тамъ могутъ ихъ *заалечь*. Говорятъ, Шуваловъ подавалъ въ отставку и остался.

Въ городѣ ходятъ самыя дикіе слухи о причинѣ вооруженія городовыхъ револьверами, о безсиліи блюстительной власти въ надзорѣ за сходбищами, объ оргіяхъ царскихъ, на которыхъ генераль Герцдорфъ мошеннически выигралъ 200 т. р. въ банкъ „подъ пьяную руку“. Ослабленіе надзора и достоинства власти въ заведеніяхъ доходитъ до того, что въ военныхъ заведеніяхъ начальники ведутъ себя за панибрата, а въ Николаевскомъ институтѣ разсказываютъ исторію о хорошихъ кандидатахъ, за банкетомъ, въ которомъ студенты, сыновья начальницы и даже мужъ, товарищъ министра, случайно встрѣтились въ темныхъ коридорахъ съ веселыми красавицами, а матушка будто бы въ это время занималась наставленіемъ дочкѣ, готовящейся для

высокаго ложа, и учитывала свѣчи и мыло и прочіе матеріалы, на которые, со времени назначенія г-жи Замятниной, расходъ удвоился. Директриса бросилась Императрицѣ въ ноги, умоляя не погубить семейства.

Разказы о дочери богача Вебера, родившей и сжегшей ребенка, разказъ будто бы распущенный отказаннымъ ею женихомъ и по жалобѣ отца теперь арестованнымъ, дуэль барона Федора Корфа, избившаго жену въ первую ночь брака и дравшагося на дуэли съ братомъ ея Набоковымъ, разказъ о Псковскомъ попѣ, который будто бы перегрызъ горло и искусалъ по волчьи отставнаго солдата, чтобы ограбить его и оставить мертваго въ лѣсу (дуэль богача Демидова съ бар. Мейендорфомъ, убійство бар. Вреде, отравленіе въ Кронштадтѣ). При поворотахъ событій, съ усиленіемъ стремленій, нравы и позывы дичають, и я записываю эти слухи не какъ факты, но какъ возможные явленія эпохи, болтающей, если не творящей, подобныя дѣянія. И литература и жизнь не хотятъ знать границъ. Коснувшись основной основы—улучшенія быта—правительство обняло все государственное зданіе, и существенное основаніе, порядокъ, сдѣлалось тоже вопросомъ. Болтливый баронъ А. Мейендорфъ, посѣщающій высшія гостинныя, разказывалъ мнѣ, что Императрица неоднократно выражала опасеніе за безопасность своей фамилии, при раздраженіи дворянства, для успокоенія котораго назначеніе гр. Панина сдѣлано слишкомъ поздно, назначеніе, которое не примиритъ съ дворянствомъ и разведетъ съ народомъ.

Вотъ скоро годъ (замѣчательное явленіе) съ 16 Апрѣля 1859 г. у насъ нѣтъ ни займовъ, ни ссудъ, ни банковъ. Бѣдное государство не нуждается въ кредитѣ! Вся наша недвижимая собственность обходится безъ займовъ. И все сваливають на крестьянскій вопросъ. Назначены коммисіи и начертаны проэкты, а ссудъ нѣтъ. Правительство приостановилось, частные люди не рѣшаются, даже Ганзеханы и Габеры стихли, и частная предпріимчивость не хочетъ барышей, иностранный курсъ не хочетъ повыситься, безденежье повсюду, дороговизна въ полномъ развалѣ.

А министръ финансовъ, кажется, сдѣлалъ все. Онъ назначилъ нѣсколько коммиссій и между прочимъ Коммиссію—Гагемейстеръ Безобразовъ и Комп. Но какъ же изворачивается бѣдный собственникъ? Куда вы, богатые банки, употребляете дѣлаемые взносы? Вамъ заложено 44.166 имѣній, населенныхъ 7,107,184 ревизскими душами въ 425½ милліоновъ рублей (съ недоимкою 15 т. р. или точнѣе 14,736,115 р.). Вамъ еще не заложено около 4 м. душъ съ землями, т. е. принимая средній размѣръ (70 р.), вы могли бы еще выдать (а желали многіе, если не все) 280 мил. р.—ну, положимъ половину 140 м. р. и, давъ

способы улучшения, развитія и усовершенія народныхъ цѣнностей, приобрести выгоды, дѣйствительность которыхъ подтверждается тѣмъ, что вы отказали въ займахъ имѣніямъ самымъ состоятельнымъ, которыхъ не имѣли нужды въ займахъ.

Есть банда, котерія, партія. Дайте, Государь, конституцію. *On vous trompe, on vous trompe* кричала толпа въ 1788 году во Франціи; кричу и я: *on vous trompe!*

Въ самомъ дѣлѣ, читая эти вялыя, повторяющіяся объясненія комиссіи гг. Гагемейстера и Безобразова, невольно спрашиваешь себя: неужели въ нихъ наше спасеніе? Охулили, разбранили наши кредитныя учрежденія и что же предлагаютъ? Общія мѣста.

Но, порицая, надо было отдать и справедливость. Принимать вклады за 4⁰/₀ теперь нельзя, если мы хотимъ, чтобы капиталы не спали, а безъ вкладовъ не можетъ быть и ссудъ. Все это правительство должно было передать сословіямъ и частнымъ лицамъ. Но немедленно и вполнѣ-ли? Я думаю, нѣтъ и полагаю, что правительство должно было, не измѣняя установленій, постепенно вводя въ нихъ участіе частныхъ лицъ и распространяя банкирское дѣйствіе, готовить ихъ къ окончательному переходу на коммерческое положеніе.

Вообще блестящія ожиданія новой эпохи до сихъ поръ оправдываются очень плохо, и самые довѣрчивые оптимисты приходятъ къ тому убѣжденію, что частная предпріимчивость у насъ требуетъ, при дѣйствіи ея акціонерными обществами и даже безъ акцій, но на большихъ пространствахъ,—бдительнаго надзора правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, поспѣшное провозглашеніе свободною литературою свободной частной предпріимчивости привело къ печальнымъ послѣдствіямъ. Всѣ акціи упали, и по низкимъ цѣнамъ покупка совершенно остановилась, довѣрія къ предпріятіямъ никакого. Недовѣріе къ самымъ важнымъ (какъ главное общество желѣзныхъ дорогъ и общество пароходства и торговли) возбуждено литературою до такой степени, что можно сомнѣваться въ благопріятномъ ихъ исходѣ.

Тоже будетъ и съ поземельными банками.

Земли у насъ имѣютъ цѣнность мѣстную, и она теперь колеблется и должна установиться съ устройствомъ земледѣльцевъ и правильными оцѣнками. Ограниченіе закладныхъ листовъ извѣстной территоріей ограничить и случайности сдѣлокъ, при которыхъ они могли бы рассчитывать на разные шансы.

Годовая администрація приводитъ непременно къ годовому убытку, и хорошо бы было если бы только къ годовому.

Назначеніе въ продажу (и нынче очень затруднительную) уронить цѣнность. Я остаюсь при томъ убѣжденіи, что правительству не слѣ-

довало уступить посредничество между кредиторами и заемщиками, но надлежало озаботиться болѣе производительнымъ употребленіемъ вкладовъ, чему теперь, при развитіи обширныхъ предпріятій, гарантируемыхъ правительствомъ, недостатка, кажется, не предстоитъ, во вторыхъ—распространить кругъ дѣйствія какъ приказовъ, переименовавъ ихъ въ губернскіе банки, такъ и ссудныхъ кассъ, и въ третьихъ, для лучшаго обезпеченія взноса процентовъ и погашенія, ввести или ручательства или разсроченные платежи, или сословную гласность разбирательства.

*

Духовенство возмутилось и отвергло соборнѣ легенду, приведенную Погодинымъ въ Поѣздкѣ его къ Сергію, напечатанной въ (запрещенной съ 1860 г.) „Русской Газетѣ“ Поля. Но оно—и съ нимъ наши высшія молебщицы—не находятъ словъ для порицанія книги Аванасьева (изд. Солдатенкова) „Русскія легенды“, пропущенной 4 Декабря Московскимъ цензоромъ Наумовымъ. Здѣсь черноватая фантазія народа дѣйствительно разыгралась съ Христомъ, Петромъ, Ильею, Николою и др. такъ панибратски, что ловкій чтець представитъ святыхъ въ забавномъ видѣ, и народныя убѣжденія, записанныя г.г. Далемъ, Якушкинымъ, Зыряновымъ, и др. разольютъ понятія, враждебныя церкви и доброму просвѣщенію. Книга стоитъ 1 р., а теперь ее и за 10 не достанешь. Запрещена. А тамъ, въ Лондонѣ, начинается изданіе перевода Библии, и духовенство, такъ неудачно выступившее съ переводомъ Византійскихъ историковъ, конечно не лучше поступитъ и съ начатымъ академіями переводомъ Св. Писанія. Духовенство наше, прежде всего, прежде крѣпостнаго права, требовало бы преобразования. Легенды и пословицы о немъ выражаютъ самое презрительное понятіе народа о служителяхъ Божіихъ. Служеніе Богу есть призваніе, а не повинность сословія. Отвертѣтъ молебенъ или свадьбу, вынудить плату, обойти, объѣсть и обпить приходъ при обрядахъ, требохъ и праздникахъ не водворяютъ, а роняютъ церковь, а съ нею и вѣру и служеніе алтарю.

*

Крестьянское дѣло двигается скоро. Оно обрабатывается съ двухъ концовъ: въ комиссіяхъ гр. Панина и въ дворянскихъ собраніяхъ гр. Шувалова. Гр. Панинъ, послѣ приѣма депутатовъ, пригласивъ ихъ не ѣздить къ гр. Шувалову, гдѣ ихъ могутъ завлечь, не ѣздитъ и къ нему, гр. Панину, чтобы не сказали, что онъ подъ ихъ вліяніемъ, и торопиться дѣломъ, такъ какъ, по долговременному его опыту, нѣтъ такого государственнаго дѣла, которое бы нельзя было кончить въ 14 дней (оригинальное привѣтствіе!), не такъ однако торопится съ дѣломъ и докладывалъ Государю о возмутительной и еще траурной страницѣ

Отеч. Записокъ, на которой Краевскій объявилъ о смерти Ростовцова и выразилъ надежду на окончаніе дѣла къ Сентябрю. Гр. Шуваловъ уполномоченъ пересмотрѣть проэктъ положенія 1853 г. и надѣется выговорить трехлѣтній срокъ для добровольныхъ соглашеній, а между тѣмъ, по возбужденію предводителя Платонова, постановляетъ адресъ Государю объ огражденіи дворянскихъ правъ отъ посягательствъ полицейскаго (Милютина) комитета, отвергающаго избирательность земскихъ и мировыхъ начальствъ.

Редакціонныя комисіи не нахвалятся терпимостію и либерализмомъ гр. Панина (такъ говорили мнѣ Любоцинскій и Булыгинъ). Дворянскія собранія напротивъ очень шумны, и здѣсь каждый вопросъ дѣлается предметомъ взаимнообвиненій, сомнѣній и баллотированій.

Прочелъ я, для развлеченія моего *Souvenirs et correspondance*, m-me Récamier и *Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres*, изданныя обожателями ихъ. М-me le Normand, племянница мужа Récamier, усыновленная знаменитою красавицею, а второе—де Фаллю, другомъ Русской ультрамонтанки. Воспоминанія о м-me Рекамье читаются легко, интересно и увлекательно. Это картина эпохъ, лицъ, положеній самыхъ разнородныхъ, начиная съ директоріи до 1848 г. Съ 13 лѣтъ до старости, въ богатствѣ, торжествѣ, изгнаніи и бѣдности Рекамье была идоломъ, передъ которымъ преклонялись и старые, и малые, и демократы, и аристократы, и поэты, и министры, и ханжи, и безбожники. Перечитывая обширную корресподенцію, въ которой женщины—и какія женщины: м-me Сталь, Свѣчина!—едвали не преданнѣе курятъ фиміамъ этой плѣнительной художницѣ общежитія нежели мужчины—и какіе мужчины: Бернадотъ, Баланшъ, Монморанси, Августъ Прусскій, Шатобрианъ!—удивляешься одному: почему объ ней всѣ говорятъ, а отъ нея самой уцѣлѣли едва мелькомъ встрѣчающіеся отрывки о впечатлѣніяхъ, почти всегда легонько набросанныхъ, и въ самыхъ письмахъ, дышущихъ какою-то теплою признательностію, говорится много объ удовольствіи сообщества, о дружбѣ, и ни слова объ умѣ, весьма мало о чувствахъ, иногда объ отвѣтахъ, выражающихъ какую-то нѣжную кротость, страдательное участіе. Часто видишь сдержанность, нерѣдко женскую суетность, иногда безотчетный недостатокъ, недомолвку сочувствія. Почему эти отрывки собственныхъ ощущеній такъ коротки, а обширная корресподенція, даже записка гр. Нессельроде о коляскѣ, сохранилась, уцѣлѣла и хронологически сложена и напечатана, хотя многое не мѣшало бы и приудержать? Я объясняю себѣ постоянное торжество Рекамье, въ теченіе болѣе полувѣка, красотою, врожденною граціей, побѣдившей Баланша, Лагарпа, Давида, Канову и Шатобриана, побѣдившей и дамъ, Криднеръ, Ляваль, Гортензію, и наконецъ

благороднымъ, безстрастно рассчитаннымъ и холодно-самосозерцающимъ кокетствомъ. Она не имѣла никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и съ необыкновеннымъ тактомъ принимала всѣ партіи, всѣ отгѣнки партій, ничего не порицая, ничему не предаваясь.

Разъ овладѣвши салономъ, граціозная красавица ловко воспользовалась модою, которая въ Парижѣ выше приверженности и оппозиціи, а продолжительное поприще воздержной Аспазіи, всѣмъ пользовавшейся въ мѣру и во время, никогда не открывавшейся и всегда привязывавшей ожиданіями открытія, сдѣлало изъ моды привычку, съ которою такъ легко сближаются и старость, и суетность, и утомленіе. Справедливо замѣчаетъ Гервинусъ (и онъ не первый), что въ движеніи эпохи часто принимаютъ участіе не тѣ дѣятели, которыхъ имена записываетъ исторія. Вліяніе Рекамье было въ этомъ отношеніи обширно и плодотворно, но—грустно подтвердить это сознаніе—довольно посредственно. Мода и привычка привлекали подъ ея знамя тщеславіе, исканіе извѣстности, упадающее величіе, недовольствіе и индифферентизмъ вѣка. Въ этомъ отношеніи Рекамье далеко уступаетъ нашимъ Русскимъ, доселѣ болѣе извѣстнымъ: Крюднеръ и Свѣчиной.

Свѣчина—сильная натура, питомица Деместра и питательница ультрамонтанизма, заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства, нежели то, которое можно получить изъ *Lettres et opuscules* графа Юсіа, двухъ томовъ министра Фаллю и статей завистливой и бѣглой въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Евгеніи Туръ (односторонней) и натянутой, полуфанатическаго „нашего времени“ гр. Дм. Толстаго. Я дамъ о ней особый отчетъ.

Пріятно встрѣтиться съ такими типами; но, полюбовавшись Рекамье, успокоивъ душу предъ этою безукоризненною граціей, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаешься подолѣе на Свѣчиной и изучаешь характеръ, волю, систему. Свѣчина была умна, учена, начитана до скуки, до педантизма, и самая доброта ея сердца облекается въ изученныя формы, и самая оригинальность чувства и мысли выражается въ придуманныхъ или заученныхъ фразахъ. Эта Русская Француженка могла бы сохранить побольше и силы, и энергіи; но, обратясь въ католицизмъ, она отъ этого ложнаго положенія перешла къ сентиментальности и девотизму и сдѣлалась ультрамонтанкой, возлѣ которой собирались услужливые кавалеры и аббаты, а для глазъ ихъ перебѣжчица, независимо отъ ея достоинствъ какъ свѣтской женщины, имѣла прелесть завоеванія.

*

Прошло это періодическо-лихорадочное время вскрытія Невы, Пасхи, тезоименитствъ (3—17 Апрѣля), наградъ и поздравленій, время, которое я не желалъ бы проводить въ Петербургѣ, которое воз-

мущаетъ душу раутами въ церквахъ, на площадяхъ и въ переднихъ, невоздержаніемъ, болѣзнями и неудовольствіями награжденныхъ и не-награжденныхъ. Нервическое разстройство у меня очень сильно. Впечатлительность такъ раздражена, что духъ занимается, и иногда мнѣ кажется, что земля трясется, зданія валятся и люди бѣгутъ и спѣшатъ къ пропасти.

Не читалъ бы иностранныхъ журналовъ, гдѣ загадочный Французъ предательски дружится и ссорится, дѣлая все возможнымъ, невѣрнымъ и неожиданнымъ, и гдѣ Австрія и Турція представляютъ картину разрушенія, подмываемаго вѣроломствомъ и воровствомъ въ самыхъ высшихъ слояхъ управленія, а обезсиленная власть при этомъ хватается какого нибудь Венгра или Босняка и судорожно ломаетъ и душитъ несчастнаго.

Не читалъ бы и нашихъ газетъ, гдѣ, послѣ обличеній администраціи, начинаются обличенія мошенничества въ прославленныхъ обществахъ, подрывая кредитъ, затрудняя предпріятія и шельмуя директоровъ. Не знаешь, какъ могли быть такіе явные безпорядки, неблагоприятные извороты и преступныя увлеченія, а убѣждаясь въ этихъ (ибо печатаютъ на весь міръ факты) не понимаешь, какъ эти....., Новосильскіе, Байковы, Веймарны, Палибины смотрятъ прямо на этотъ міръ, и міръ этотъ терпитъ ихъ въ средѣ своей.

Эксплуатируютъ Россію и неопытную довѣрчивость такъ, что кредитъ не существуетъ, акціи отъ премій на 10% упали въ капиталъ на 10 и болѣе, Министерство Финансовъ не знаетъ что дѣлать и отъ неудачныхъ 4% непрерывныхъ переходитъ къ 5%, завлекши прежде такую же гарантію капиталы въ частныя предпріятія, отъ неудавшейся продажи имуществъ приступаетъ къ бильонной монетѣ, по 10 копѣекъ на каждую душу народонаселенія (6 м. р.) и имѣя серебра только 2 м. р. и не имѣя и для этихъ 2 м. машинъ на монетномъ дворѣ. А денегъ нѣтъ, цѣны возвышаются. А въ кабакахъ, на площадяхъ, на прогулкахъ, въ театрахъ, въ салонахъ, роскошь не знаетъ мѣры, и потребленіе и заработки платятся такъ высоко, что слово сбереженіе въ казначействѣ государства, въ кассахъ обществъ и въ карманахъ исчезло и забыто.

Роскошь эта, это—распродажа остатковъ, это—расхищеніе казны во время пожара. Не знаешь, что честному человѣку дѣлать посреди этихъ хватокъ; такъ и думаешь, что завтра революціонное сокращеніе лишитъ тебя, поденщика, насущнаго хлѣба, и Митя, и Тата иди хоть по міру! Я оробѣлъ, я глубоко огорченъ, оскверненъ, убитъ этими продѣлками, возведенными въ систему и сдѣлавшимися общими. Когда я узналъ, 26 Марта, программу расточеній одного изъ отъявлен-

ныхъ расточителей, генерала Муравьева, моего министра, я написалъ записку къ гр. Панину, пользуясь поводомъ изложить мое воззрѣніе на крѣпостной вопросъ и желая оставить этого господина, возвышающаго подати, чтобы расточать капиталы. Гр. Панинъ не понялъ меня. Онъ прислалъ ко мнѣ своего Топильскаго, чтобы получить свѣдѣніе объ общинахъ.

Всѣ мы, 3—17 Апрѣля, завалены наградами. Кромѣ звѣзды, мнѣ обѣщаны или деньги, или земля. На чины и ордена никто не обращаетъ вниманія. Я понимаю, какъ дѣлаетъ это Государь. Онъ окруженъ людьми, которые личные грѣшки искупаютъ государственными, и онъ добръ, сытъ и слабъ. Но я не понимаю, какъ терпитъ это народъ? *Caeterum censeo*—конституція. *Conditio sine qua non*, даже въ настоящее время, которое я считаю революціоннымъ и которому не полезенъ, не нуженъ, даже не необходимъ, но неизбѣженъ реформаторъ, который бы выпуталъ насъ изъ запутанности, развращенія и разграбленія. 17 Апрѣля.

Трезвонная литература внутренняя (всѣ журналы, даже и „Сѣверная Пчела“, и всѣ общества, ученые, хозяйственные и особенно акціонерныя) и виѣшняя (Герценъ, Н. Тургеневъ—*le dernier mot*, кн. Петръ Долгорукій *La vérité sur la Russie*, и неизвѣстнаго „Депутаты и редакціонныя коммисіи“*) и мног. друг.) сильно занимаетъ общество и не даетъ никому спать, ни партіи одушевленія, волнуемой отъ радости разоблаченія нашихъ грязныхъ и вонючихъ дѣяній, ни партіи унынія, подавляемой этими новостями. Съ непривычки нѣтъ нигдѣ ни мѣры, ни такта. Надъ всѣмъ господствуетъ реформа, и въ главѣ ея крестьянское дѣло. Чудится какое-то видѣніе, слышится какое-то тяжело-грядущее могущество, какая-то новая стихія жизни, и всѣ присмирѣли, оробѣли, говорятъ и дѣлаютъ не впопадъ. Сдается сильная сила въ этомъ говорѣ, широкая натура въ этихъ увлеченіяхъ, и все предвѣщаетъ какъ бы новую эпоху,—непремѣнно распаденіе стараго, непремѣнно недочеты и обольщенія, все прервано ожиданіями. И я ожидаю—*fiasco*.

Никто лучше насъ не съумѣетъ ни унижить, ни испортить, ни опошлить все хорошее, ни придумать и вызвать препятствія и затрудненія этому хорошему, не употребить во зло это хорошее, не придать видъ благонамѣренности дурному, не забыть или не знать, что никакая несправедливость, никакая ошибка безнаказанно не проходитъ и пройти не можетъ, что законъ солидарности исключеній не допускаетъ и что Богъ и истина, служеніе имъ и добросовѣстность, какъ право и обязанность, какъ существо и форма безразличны. Такъ тяжело сознаться!

*) Должно быть при содѣйствіи Рязанскаго депутата Ѳ. С. Офросимова.

Первое правило благоустройства жизни есть добросовѣтность. Она вырабатывается временемъ въ нуждѣ, просвѣщеніи и соревнованіи; гдѣ ея нѣтъ (у насъ ея нѣтъ, и долго не будетъ), тамъ ее надобно привести силою управленія, а управленіе сильно конституціей. 17 Апрелья.

Крѣпостное дѣло Харьковскихъ студентовъ двигается медленно и, къ удивленію многихъ, получаетъ важное значеніе, котораго въ немъ, судя по либеральности нашего времени, по отдаленности Шевченко-Костомарова-Кулѣшскаго общества и по назначенію кн. Голицына (Алекс. Ѳеодор., статсъ-секретаря) и не предполагали. Голицынъ взялъ себѣ въ помощь генераль-майора Ив. Анненкова, человѣка умнаго, благороднаго и мягкаго, и д. с. с. Столповскаго, правовѣда, занимавшагося и уголовными дѣлами въ Училищѣ и въ Сенатѣ. Теперь они снимаютъ допросы, а потомъ будутъ судить. Но я убѣжденъ, что дѣло не имѣетъ придаваемого значенія, даже и потому, что средства и способъ ихъ дѣйствія (пасквили, политическія записки, связь съ Волинскими Полячками) очень слабы въ средѣ современныхъ водоворотовъ и при завоеванной терпимости къ гласности. Я убѣжденъ, что дѣло кончится *mezzo termino*.

Гораздо важнѣе новѣйшія преобразованія, и въ числѣ ихъ всепоглощающій вопросъ крестьянскій. Онъ приближается къ окончательнымъ работамъ. Гр. Панинъ исходатайствовалъ дозволеніе депутатамъ 2 призыва (для 1-го, не смотря на всѣ искательства, дано сего не было) собираться и разсуждать всѣмъ вмѣстѣ, и эти собранія выработали большинство 36 (изъ 43) членовъ, которые, за общимъ подписомъ, представили возраженіе противъ проэктвъ редакціонныхъ комиссій и рѣшительно настаиваютъ на томъ, что *коммунистическіе* эти проэкты разорять дворянства, не послужа на пользу крестьянамъ и не согласны ни съ требованіями теоріи, ни съ заявленными видами правительства, ни съ положеніемъ хозяйства. Особенно сильно ратуютъ депутаты Западные, для которыхъ понятія о правѣ и о собственности тверже и отчетливѣе, нежели для насъ, восточныхъ, и которые, говоря, по малознанію Русскаго, на Французскомъ языкѣ, хотя не устояли, въ лицѣ богатыхъ своихъ представителей, гр. Платера, гр. Тизенгауза, противъ діалектиковъ нашихъ кн. Черкаскаго, Самарина и Соловьева, но тѣмъ не менѣе постановили 15 пунктовъ своего заключенія, требуя начала взаимныхъ соглашеній въ теченіе трехъ лѣтъ, начала добровольнаго выкупа земель правительствомъ при посредствѣ ходячихъ облигацій и начала свободнаго устройства крестьянъ, въ случаѣ безуспѣшности соглашеній, на казенныхъ земляхъ. Я полагаю, что это предположеніе еще болѣе будетъ имѣть вредныя послѣдствія.

Министръ, генераль Муравьевъ, по докладу министра, генерала графа Адлерберга, получилъ 20 т. десятинъ земли изъ Башкирскаго участка на Волгѣ, въ Самарской губерніи съ тѣмъ, чтобы онѣ были куплены въ удѣль. Безстыдники! Надобно замѣтить, что Башкирская дача недавно предназначена, недавно отыскана для раздачи и теперь, какъ сынъ и отецъ получили, вѣроятно запрется. Надобно замѣтить, что правила оцѣнки, весьма эластическія, составлены недавно. Наконецъ надобно замѣтить, что начальникъ земель при отводѣ, при оцѣнкѣ и при покупкѣ, все тотъ же генераль Муравьевъ. Безстыдники! Въ городѣ говорятъ, что земля дана по условію съ гр. Адлербергомъ и Мinou Ивановной. Невѣроятнаго тутъ нѣтъ; но несомнѣнно то, что награда огромная, и по зависти, по злобѣ и злорадству говоръ объ ней общій въ городѣ и самый невыгодный для министровъ и Государя.

Замѣчательно, что это расточеніе земель дѣлается въ то время, когда такъ затруднительно разрѣшается общій поземельный вопросъ.

Земель у насъ достаточно. Ихъ будетъ еще болѣе. Желаящихъ переселиться, даже на Амуръ, множество. Съ Кавказа и изъ Крыма народъ бѣжитъ тысячами. Удивительно, какъ нерационально, непредусмотрительно распоряжаемся мы землями. Казна можетъ затопить ими частную собственность. Какъ отчинница, эта госпожа самая не экономическая хозяйка. Владѣя 100 мил. десятинъ, она или несоразмѣрно много дастъ въ надѣль своимъ крестьянамъ (отъ 8, 15 и даже 17 десятинъ на ревизскаго человѣка) или дробить ихъ на 21 т. оброчныхъ статей, по которымъ по 1860 г. терпитъ недоимки около 4 м. р. и изъ которыхъ нѣкоторыя приносятъ дохода по 2 или 20 коп. съ десятины. Неустройство и неурядица поразительныя! И много надобно времени и усилій, чтобы ввести здѣсь какой-нибудь порядокъ. Масса письменности, сложность распоряженій и убыточность оборотовъ явно говорятъ противъ казеннаго обладанія. Не говоря о Сибири, гдѣ теперь преподаны облегчительныя мѣры раздачи земель, не говоря и о сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ, какъ въ юго-восточныхъ солончакахъ, никто брать земель не соглашается, я возьму въ примѣръ Новороссійскій край, начавшій заселяться со второй половины прошлаго столѣтія и гдѣ безпорядки въ раздачѣ такъ часто вызывали запрещеніе (въ Мартѣ 1817, въ 1835 (№ 8288) и въ 1840) пожалованій. Позднѣйшее разрѣшеніе, въ нынѣшнемъ году, относится къ поселенію Евреевъ, которыхъ поселеніе въ губерніяхъ Западныхъ прекращается. Заселеніе (правильное) Новороссіи начала Екатерина по плану 1764 г. Марта 22. Это было поселеніе нѣсколько-казацкое, военное, по табели, участками отъ 26 до 30 дес. на человѣка. а земли для заселенія бери сколько хочешь, до 48 участковъ, а если свыше, то по заселеніи „вольно ему продать“.

По завоеваніи Крыма раздача и заселеніе земель начались, по распоряженію кн. Потемкина, въ огромныхъ размѣрахъ. Колонисты, изъ заграницы, переселенцы изъ внутреннихъ губерній, бѣглые и бродяги отовсюду притекали и занимали земли, захватывая у мурзь и Татаръ, какъ адмиралъ Мордвиновъ, и въ наше время купцы Крымтаевъ и Лампси, отрѣзывали даже у колонистовъ, которые бѣгали, оставляя земли имъ данныя, не смотря на строгія мѣры правительства (въ 1811 г. № 24, 745) и для удовлетворенія которыхъ генераль Инзовъ уже въ Іюль 1818 г. (№ 27, 401) требовалъ землемѣровъ, и у крестьянъ казенныхъ, которые уже въ 1806 году не могли имѣть 15 десятинной пропорціи (указъ 1806 г. № 22090). Кн. Потемкинъ и мѣстные власти раздали земель 7,652,425 десятинъ (въ томъ числѣ неудобной 625,425 дес.) съ тѣмъ, что, если владѣльцы въ теченіе 10 лѣтъ заселятъ ихъ по 30 десятинъ на душу, то получаютъ документы на вѣчное и потомственное владѣніе землею, съ платежемъ въ казну по 5 денегъ (2¹/₂ коп. ассигнац. или ³/₄ к. серебромъ). Въ раздачѣ этихъ земель допускались большіе безпорядки, вызвавшіе доносъ императору Павлу одного изъ помѣщиковъ коллежскаго ассесора Чунихина. Строгий вотчининъ, остановившій продажу земель (указъ 1797 г.) и установившій слѣдственное судопроизводство (указъ 1799), назначилъ ревизію управленія края, и сенаторы Кушелевъ и Алексѣевъ, въ 1800 г., нашли, что доносъ Чунихина, будто бы „изъ розданныхъ земель не заселено и третьей части, а прочими пользуются тамошніе жители, безъ всякихъ правъ, а паче судьи, долженствовавшіе имѣть о томъ наблюденіе“—не подтвердился. Изъ всѣхъ земель (7,600 тыс.) а) 4,378,75 десят. удобной и 474,654 дес. неудобной заселены 160,950 душами и платятъ 2¹/₂ к. за десятину; б) незаселенныхъ, которымъ миновали льготные годы, но которыя оплачиваютъ 2¹/₂ к. удобной 578,329 и неудобной 64,026 десятинъ, но владѣльцы имѣютъ въ другихъ мѣстахъ края заселенныя земли; и в) незаселенныхъ и послѣ льготныхъ лѣтъ и неоплачиваемыхъ земель: удобной 299,750 и неудобной 12,642 десятины. Объ этихъ 300 т. д. Новороссійское Губернское Правленіе представило (будто бы до доноса Чунихина) Сенату объ отобраніи ихъ въ казну. Наконецъ, земель, которымъ не миновали льготные годы, удобныхъ 1,558,930 и неудобныхъ 69,809 дес. отведенныхъ по рангамъ, на основаніи плана 1764 г., удобной 13,586 и неудобной 11 десятинъ. всемилостивѣйше пожаловано особыми указами: удобной 192,069 и неудобной 2,179, на которыхъ поселено 552 души.

Замѣчательно, что объ отобраніи 300 т. въ Министерствѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и должно полагать, что статья эта отнесена къ общему дѣлу о размежеваніи земель Новороссійскаго края. по прави-

ламъ, утвержденнымъ въ 1820 г. (27 Февраля), которое продолжается до сихъ поръ и разрабатывается властями во вредъ правительству и Татарскому населенію.

Третья раздача земель производилась между Днѣстромъ и Бугомъ съ 1792 г., и роздано ихъ (удобныхъ) 824,374 десят. на общихъ пра-вилахъ, но и въ 1804 г. поселено тамъ было только 6,740 душъ, и правительство (31 Декабря № 21,581) вынуждено было, сверхъ преж-няго 12 лѣтняго, назначить новый срокъ въ 4 года для заселенія въ 30 десят. пропорціи на человѣка, и предоставить право продавать земли правительству по 30 к. за десятину.

Четвертая раздача земель была въ Бессарабіи.

Послѣ такихъ (неудачныхъ) раздачъ начались расселенія, сопро-вождавшіяся еще бѣльшими безпорядками. Такъ въ 1794 г. (указъ 28 Авг.) выведены изъ Таврической области въ Маріупольскій уѣздъ Греки, Грузины, Армяне и Волохи, и по сложеніи съ нихъ недоимки около 600 т. р. дано имъ земель по 30 дес. на человѣка (тогда какъ казеннымъ Русскимъ предоставлено только по 15 десят.), на основаніи грамоты 21 Мая 1779 г. съ платою, послѣ 10 льготныхъ лѣтъ, по 5 копѣекъ. Но порядокъ отвода былъ таковъ, что при докладѣ гра-фовъ Паниныхъ значилось въ планахъ 1779 года 1,237,000 десятинъ, а въ 1817 г. (№ 26,863) только 669 т. десят.

Въ 1806 г. (11 Апрѣля, № 22,090) сдѣлано общее распредѣленіе земель Новор. края и по тремъ губерніямъ: Екатеринос. съ 105 т. казен. крестьянъ, Херсонской 69 т. и Таврическ. съ 24 т. душъ. Изъ всего количества земель, на 201 т. казен. крестьянъ числившихся, 3,704,073 десят. признано пустопорожнею, свободною (въ Екатерин. 140 тыс., въ Херсонск. 684 т. и Тавричес. 1,500,721 дес.) всего 2,324,741 дес., и она распредѣлена:

1. въ вѣдомство конторы колонистовъ	530 тыс. дес.	
2. въ надѣлъ крестьянамъ	92	” ”
3. для образованія особыхъ селеній.	517	” ”
4. для вольнаго скотоводства въ Таврич. губ.	727	” ”
и 5. для раздачи частнымъ лицамъ	462	” ” (въ Херсон. 258 т. и Тавр. 203 т. дес.).

Замѣчательно, что и при этомъ распредѣленіи по Екатеринослав-ской губерніи уже не доставало въ 15 десятинную пропорцію надѣла 23 т. десятинъ.

Я сдѣлалъ эти краткія выписки изъ „Собранія Законовъ“ по слу-чаю разсмотрѣнія дѣла о земляхъ, перешедшихъ изъ Новороссійскихъ въ Харьковскія, въ уѣздахъ Изюмскомъ и Зміевскомъ, при раскассиро-ваніи Екатеринославской губерніи въ 1797 г. Земли этихъ—оплат-

ныхъ—числится (165 т.) дес. и изъ нихъ, по удостовѣренію, 23 т. заселены вполнѣ, но когда, всѣ въ совокупности или отдѣльно по владѣнію, неизвѣстно. 67 т. заселены въ 15 десят. на человѣка пропорціи, 62 т. не заселены и не оплачиваются съ 1800 г., 11 т. не заселены и платятъ подать; 16 т. владѣются по купчимъ и не платятъ. Съ 1818 и особенно съ 1822 г. идутъ розыски, кому и когда розданы эти земли, и Казенная Палата въ 1818 и 1835 и Палата Г. Имуществъ 8 Сентября 1840 г. предполагали отобрать незаселенныя и неоплачиваемыя земли. Наконецъ Зміевскій судъ представилъ вѣдомость о 3 т. земляхъ помѣщика Замятнина, а Изюмскій, въ Декабрѣ 1846 г., доносилъ, что такихъ земель въ уѣздѣ вовсе нѣтъ.

Мы рѣшили, что такъ какъ плата прекратилась и не обжалована казною въ теченіе нѣсколькихъ земскихъ давностей, то прекратить всякіе розыски, снесаясь съ Министерствомъ Финансовъ, чтобы избавить отъ платежа и 11 т. дес., если условія 780 ст. V. Т. Уст. о Подат. (NB требующей для освобожденія населенія въ 15 дес. пропорціи, вопреки приведенныхъ подъ эту статью источниковъ) исполнены. Произволъ при обилии земель въ раздачѣ ихъ великъ, и доносчикамъ Чунихинымъ пищи много; но для меня казалось важнѣе упрочить право владѣнія, прекратить бесплодную вѣковую переписку и отрѣзать эту статью, разрабатываемую мелкимъ людомъ въ Русскихъ фискальныхъ видахъ.

*

Начались преобразовательныя разсмотрѣнія. Государь приказалъ до каникулъ (15 Іюня) окончить разсмотрѣніемъ проэктъ уѣздныхъ учрежденій. Крѣпостное дѣло, по колеѣ Ростовцова, идетъ и движется.

Преобразованія финансовыя „Труды комисіи“ встрѣчены журналами весьма неблагопріятно.

Цензура дѣлается строже, и статьи, и цѣлые отдѣлы исключаются съ объясненіемъ: не могли быть напечатаны по независящимъ отъ редакціи причинамъ. Говорятъ, Государь лично приказалъ предсѣдателю комптета въ Петербургѣ „смотреть попристальнѣе: журналы зазнались, и въ этомъ я виноватъ“.

Общества и особенно „Главное (желѣзныхъ дорогъ)“ обносятся самыми наглыми разоблаченіями. Биржа въ застоѣ. Курсъ ниже 370. Дѣла политическія еще хуже. Представитель Пьемонтской пропаганды, по примѣру Валькера, снарядилъ экспедицію въ Сицилію и пожалуй назовется „Президентъ Гарибальди“. Ляморисьеръ пожалуй изберется въ папы. Восточный вопросъ поднимается съ тяжелой руки министра князя Горчакова, и Турція посылаетъ на мѣста слѣдственныя комисіи, чтобы удовлетворить требованію и отвести вмѣшательство.

Выходки Ганноверскаго министра Бирриса и сопротивление Даніи Союзу вызвали въ Германіи манифестаціи національной партіи. Въ Австріи министры умирають и рѣжутся. Въ Испаніи не удаются и слабые успѣхи династическихъ началъ. Венгрія, Сербія и соединенныя княжества готовы отстаивать самостоятельность окончательную.

Опять броженія. Надобно мнѣ описать эти этапы развитія демократическаго начѣла, подвигающагося къ тронамъ, церкви и собственности.

Общества умѣренности у насъ или умолкли, или изворотились, или достигли своей цѣли: пониженія откупщицкой цѣны. По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ 7 № „Русскаго Вѣстника“, въ 30 Великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣсто 16,503,533 ведеръ обязательной пропорціи, въ 1859 г. перебрано 19,838,225 ведеръ, такъ что за исключеніемъ Пермской (гдѣ былъ недоборъ 44,345 ведеръ на пропорціи въ 757 т. ведеръ) и Архангельской (гдѣ тоже не добрано 16,302 в. на пропорціи 121 т.), а также и Петербургской, гдѣ противъ назначенной пропорціи 1,819,300 ведеръ, ни перебора ни недобора не было, вездѣ пьянство усилилось, и процентъ увеличенія доходить, въ Ставропольской, до огромной цифры 111,74⁰/₀, т. е. вмѣсто 427 т. выбрано 905 т. ведеръ, въ Оренбургской 51⁰/₀, Самарской 48⁰/₀, Воронежской 47, Псковской 26, Тамбовской 15, Московской 9, Смоленской 3. Трудно объяснить такое распрежденіе переборовъ, но нельзя не замѣтить, что откупа идутъ хорошо и что при такомъ переборѣ откупщики, не требуя вознагражденія за огромныя надбавки на торгахъ, могли бы продавать вино лучшее и сходнѣе.

Въ Главный Комитетъ, минуя редакціонныя комиссіи, внесенъ проектъ узднхъ учреждений, проще: мѣстной полиціи. Это работа Николая Милютина, и разсмотрѣнія этого начала преобразованій ожидали какъ пробы воззрѣній Комитета на крестьянское дѣло, съ которымъ оно въ тѣсной связи. Ожиданіе было напряженно и предвѣстія неблагоприятны.

1. Распорядителемъ явился гр. Панинъ, и онъ не безъ умысла направилъ дѣло въ Комитетъ, минуя комиссіи, куда оно назначено было еще въ Декабрѣ 1858 г. и гдѣ конечно большинство было бы въ пользу проекта.—2. Недавно былъ обѣдъ депутатовъ второго призыва, и въ городѣ разнеслись слухи, что послѣ трехъ тостовъ: за свободолюбиваго Царя, за успѣхъ освобожденія крестьянъ и за споспѣшествующихъ помѣщиковъ, будто бы статься-секр. Булгаковъ предложилъ четвертый: въ память перваго эманципатора, Эмилиана Пугачева. 3. Поспѣшность разсмотрѣнія: Государь, въ концѣ Мая, приказалъ все кончить до 15 Іюня.—4. Извѣстія о бунтахъ или неповиновеніи крестьянъ въ восточныхъ губерніяхъ.—И 5, товарищъ министра вв. дѣлъ Милютинъ сломалъ себѣ руку.

Впечатлѣніе проэкта на членовъ было самое невыгодное. Комитетъ полагалъ отвергнуть еи вѣс. Но осторожные обдумались, и отвергая существенное, рѣшились разобрать и принять менѣе важное. Говорили о значительномъ увеличеніи должностныхъ лицъ, говорили о значительномъ расходѣ на жалованье (будто бы до 8 т. р.); но главная причина та, что проэктъ распространяетъ дѣйствіе мѣстныхъ полицій на всѣхъ безъ различія сословій. „Какъ! И на генераловъ, на архіереевъ и на простыхъ поселянъ?“ Это, столь обыкновенное, правило поразило, спутало и смяло нашихъ реформаторовъ, и возраженія генерала Муравьева (я въ нихъ не участвовалъ и даже не читалъ ихъ) и графа Панина (весьма умѣренный), разославшаго заранѣе вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію, были приняты, не смотря на защищеніе зыбкаго графа Блудова и безотчетнаго и слабоватаго С. С. Ланскаго.

Начались толки и пересуды. Говорили, что проэктъ отложенъ, что Булгакову, подъ рукою, приказано выйти въ отставку, что вмѣсто дѣлопроизводителя, ст.-секр. Жуковскаго, назначенъ другой, ст.-секр. Черноглазовъ.

Общій говоръ такъ великъ и гласенъ, что явленіе реакціи едва ли не необходимо, и искусное воззваніе къ ней такими хитросплетеніями сдѣлано мастерски-предательски. Да; но кого же, во всемъ этомъ, обманываютъ? И почему такая вѣра въ долготерпѣніе? Чтò доказывается самая возможность такихъ дѣйствій?

Одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей (если не замѣчательнѣйшій) графъ Пав. Дм. Киселевъ есть живое доказательство тому, какъ трудно у насъ сдѣлать что нибудь полезное, простое, при самыхъ искреннихъ и чистыхъ желаніяхъ. Я не считаю существенною заслугою его образованіе управленія 1833 года. Управленіе это, стѣснивъ сельское населеніе напрасными формальностями, ослабило мірской элементъ (единственная форма управленія, возможная въ широкомъ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ) и, не опредѣливъ свойства земельного владѣнія, не могло способствовать развитію земледѣльческой дѣятельности. Оно огласило, оградило и умножило казенную собственность, но безъ особенной пользы, а напротивъ притязательною системою отысканія казеннаго достоянія колебало частную собственность и останавливало благотѣльные мѣры раздѣловъ и размежеваній. Я не считаю существенною заслугою и приращеніе доходовъ, ибо приращеніе это послѣдовало бы и по одному умноженію народонаселенія, даже въ большей степени, при подушной лично-оброчной подати; а заслуга кадастра, какъ попытка подходной системы налоговъ, умаляется ошибками кадастраціи и введеніемъ въ оную промысловаго сбора, гибель-

наго для начинающагося развитія промысловъ въ селеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію то, что при новомъ управленіи усилились сборы (общественный и мірскіе), и главная заслуга гр. Киселева заключается въ образованіи изъ этихъ сборовъ значительныхъ капиталовъ, которые при оставленіи гр. Киселевымъ министерства, въ Августъ 1856 г., превышали 20 мил. руб. сер. Онъ копилъ и сберегалъ ихъ какъ собственность въ предупрежденіе самодержавныхъ распоряженій, высочайше перекрестилъ ихъ въ наименованія: общественные, крестьянскіе, солдатскіе и даже неприкосновенные, приучивъ Государя и Государственный Совѣтъ смотрѣть на нихъ какъ на особые источники, предназначенные для особыхъ расходовъ, по особымъ, лично докладываемымъ смѣтамъ и представленіямъ.

Въ прошедшемъ Апрѣлѣ, по докладу Коммисіи устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка (ст.-секр. Татаринова) приказано капиталы эти (главнѣйшіе изъ нихъ) передать въ Министерство Финансовъ. Какъ ни вертѣлся генералъ Муравьевъ, отстаивая ихъ и правами словесными, и особыми назначеніями, неприкосновенностію, но деньги взяты и взяты, можетъ быть, именно потому, что ихъ отстаивалъ генералъ Муравьевъ, возбуждающій зависть своею министерскою расточительностію. При настоящемъ положеніи казначейства милліоны эти потонуть въ самое короткое время. Чтò же останется заслугою гр. Киселева? Ошибка, важная ошибка—накопленіе непроизводительныхъ капиталовъ, самовластно изъятыхъ изъ производительнаго обращенія ихъ въ бѣдномъ населеніи (обобранномъ и обираемомъ, по началу попечительства въ тѣхъ видахъ, какъ повторяетъ генералъ Муравьевъ, чтобы крестьяне не пропили денегъ и не спились). Время укажетъ, что накопленные капиталы, вѣрные назначенію, могли бы быть употреблены съ дѣйствительною и бôльшею пользою для крестьянъ. Я уже не говорю о томъ, что запутанное счетоводство по этимъ капиталамъ не дѣлаетъ чести контролю министерства. Я думаю, что придетъ время, когда историкъ, болѣе любознательный и пытливый, нежели тайн. сов. Калашниковъ, приступитъ къ изслѣдованію о сихъ капиталахъ и, съ трудомъ добравшись до нашего времени, не пойдетъ далѣе, потому что далѣе чертъ ногу переломить.

Остряки утверждаютъ, что Ростовцовъ убили, вопросъ остановился, Милютинъ разбился, а Булгаковъ проговорился. Но едва ли время теперь смѣяться. Многое предвѣщаетъ реакцію въ великомъ дѣлѣ, и по началу его, я думаю, никто не сомнѣвался въ этой реакціи. Такъ маячить нельзя. Въ Остзейскомъ клочкѣ освобожденіе въ ходу съ 1765 г. но и черезъ сто лѣтъ, по послѣднему положенію 1856 г., отчужденіе земель не возбуждалось ни на одномъ ландтагѣ, и дворян-

ство (кажется, особенно Курляндское) оспариваетъ свободное отчужденіе даже казенныхъ земель, которыя, для округленія управленія, предположено нашими Остзейскими директорами продать въ собственность. Эстляндскія имѣнія куплены всѣ дворянствомъ. Общее мнѣніе то, что графъ Панинъ затянеть дѣло.

Наши иностранные министры, гр. Нессельроде и кн. Горчаковъ, поютъ общую Русскую пѣсню: авось, кое-какъ, безъ постоянства, безъ самостоятельности, безъ преданія. Гр. Нессельроде велѣ нашу политику по пути консерватизма, съ признаніемъ совершающихся событій и законности, по Австрійскимъ толкованіямъ. Событія отняли у насъ берега и воды Чернаго моря и Аландскаго тока. Кн. Горчаковъ, хотя объявилъ (Сентября 2-го 1856), что Россія собирается съ мыслями, а между тѣмъ выдается и суется (20 Іюня 1860 г.), чтобы показать, что и мы живы. То онъ предложить конгрессъ, который, помазавъ по губамъ, не состоится, то, собравъ посланниковъ, предложить Европейское слѣдствіе въ Турціи о бѣдствіяхъ тамъ христіанъ, которыя достигли до невыносимаго состоянія. Это особаго рода логика. Если кн. Горчаковъ знаетъ (какъ трубятъ и Русскіе журналы), что бѣдствія такъ невыносимы, то слѣдствіе должно имѣть цѣлю не обнаруженіе уже обнаруженныхъ и такъ гласныхъ бѣдствій, а доказательства несостоятельности Турецкаго правительства. Разумѣется, предложеніе не примется. Оно не логично, односторонне и самоуправно. Вообще, по немногому мы опять втираемся въ чужія дѣла и особенно въ дѣла Турецкихъ Славянъ. Гр. Протасова и кн. Васильчикова дѣлаютъ постоянные сборы въ ихъ пользу въ Петербургѣ, гофмейстеръ Бахметевъ въ Москвѣ. Я не знаю, почему бы этимъ статсъ-дамамъ и гофмейстерамъ не обратить своего сострадательнаго содѣйствія нашему несчастному крестьянству. Если голова торговаго города Болхова (какъ пишетъ въ „Странникѣ“ протопопъ Остромысленскій) на вопросъ знаменитаго Макарія о символѣ вѣры отвѣчалъ: „этого, то есть, не знаемъ, а *вотчу* можемъ (вотча—„Отче нашъ“), то, и не нуждаясь въ указаніяхъ „Землед. Газеты“, „Журн. Сельск. Хозяйства“ (ст. Лашкарева) и „Сел. Благоустройства (пристрастныхъ Славянофиловъ), истинное доброжелательство найдеть обширное поприще духовнаго назиданія такого невѣжественнаго класса, обрѣтающагося въ грязи и подъ опекою правительства и подъ опекою помѣщичью, нищенствующаго и бродячаго, до 20 разъ призрѣваемаго столичными комитетами и пьянствующаго такъ, что мысль о воздержаніи прививается развѣ только у католическаго ко-стела въ Вильнѣ и Ковнѣ. Зачѣмъ же ходить въ Боснію и Сербію?

Вчера было общее собраніе главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Партія Русская разбита и потонула въ массѣ голосовъ нашихъ

и Парижскихъ Французовъ. Темные и раздражительные слухи ходять по городу. Бой былъ шумный, задорный и безтолковый. Члены совѣта Данзасъ, Абаза, кн. Оболенскій торжествуютъ. О Перейрѣ и Колинъонѣ этого сказать нельзя. Но какъ ни велико торжество Французской партіи, дѣло проиграно. Оно проиграно тѣмъ, что уже одни пренія на Французскомъ языкѣ возстановили Русскихъ, а поражение Русской оппозиціи, тогда какъ она *per fas et nefas* оглашала безпорядки и невѣжество управленія во всѣхъ журналахъ и газетахъ, озлобить еще болѣе молодую полемику, для отраженія которой нѣтъ равносильныхъ органовъ. Оно проиграно и тѣмъ, что линіи до Феодосія и Либавы едва ли могутъ быть окончены послѣ построекъ до Коломны и Риги и послѣ проэкта генер. Кербедза къ Одессѣ и особенно послѣ сосредоточенія капиталовъ въ 5% рентѣ. Г-да Перейры не согласятся рисковать въ предпріятіяхъ такого общества, акціонеры котораго не только забываютъ всякое приличіе, но готовы ругаться и драться, пожалуй.

Спрашивается теперь: достаточно-ли денегъ для окончанія дорогъ въ Нижній, Варшаву и къ Пруссіи? Нѣтъ. На чей счетъ принять расходы на изслѣдованіе линій, теперь оставляемыхъ? Я думаю, на счетъ правительства. Оно утвердило широкій статуть 1857 г. Оно выпустило 5% билеты. Оно дурно обезпечило постройку сѣти, которая такъ важна, что (по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ) могла бы получить монополію. Ошибки были съ обѣихъ сторонъ и если потерпятъ предприниматели, то и правительство, государство и народъ очевидно обманутся въ своихъ ожиданіяхъ.

Бѣдному Колинъону (даровитому администратору) не позволили сказать слова. Бѣдный предсѣдатель, бар. Мейендорфъ уступилъ роль вице-президенту Абазѣ, который неловкою рѣчью и словомъ „недобросовѣстная полемика“ возбудилъ бурю криковъ. Кричать-то мы мастера! Говорили Фед. Устряловъ о подрядахъ безъ соревнованія и Воскобойниковъ о недостаткѣ техническихъ работъ; но говорили дурно. Говорять, что будто бы Перейра опирался на участіи въ 14 милл. своихъ капиталовъ, на возгласы о Русскихъ капиталахъ; но я знаю, что на всѣхъ биржахъ міра Русскій рубль стоитъ $\frac{14}{100}$. Дѣло, пожалуй, приметъ международный характеръ.

Не думаю, чтобы, нынѣшнее управленіе могло устоять долго и безъ вреда дѣлу; не думаю, чтобы новое могло быть ему болѣе полезно. Если въ этомъ обществѣ нѣтъ такихъ гадостей какъ въ другихъ, въ „Сельскомъ Хозяинѣ“, водопроводахъ и *tutti quanti*, то и въ немъ, какъ въ другихъ, образовались личныя партіи, вилелись мелочныя притязанія, люди перессорились, перебранились и распротестовались, такъ что „все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“.

А грустно особенно современнику Русскому. Думали ли, при общемъ одобреніи въ началѣ 1857 г., что дѣло пойдетъ такъ, и что въ самомъ непродолжительномъ времени великое предпріятіе потребуесть новыхъ великихъ привилегій? Я такъ думалъ и думаю. Я находилъ и нахожу, 1, что все дѣло слѣдовало держать правительству и отдавать по частямъ; 2, что дѣлу не должно придавать международный характеръ, для насъ невыгодный, и 3, что продолжать его слѣдовало медленнѣе, дабы не возвысить цѣнности и дать время выразиться способамъ и требованіямъ.

*

Князь Дмитрій Оболенскій, братъ извѣстнаго Евгенія, въ 1828 году за какую-то шалость выписанъ изъ Пажескаго корпуса въ рядовые и послѣ разныхъ Финляндскихъ скитаній, въ 1830 годахъ, пріѣхалъ въ Москву, сошелся и подружился со мною, тогда честнымъ студентомъ. Въ 1834 г. онъ женился на бѣдной дворяночкѣ, Александрѣ Афремовой и послѣ чужекрайной поѣздки въ 1839 г. у нихъ родилась дочь, моя настоящая гостыя, Варвара. Въ 1841 я въ первый разъ увидѣлъ этого ребенка, смугляночку, не по лѣтамъ умную, не по лѣтамъ болтливую и сосредоточивавшую на себѣ всю нѣжность семейства, особенно отца, человѣка въ высшей степени добраго и мягкаго. Онъ проживалъ тогда послѣднее состояніе и довольно терпѣливо слышалъ, какъ бойкій ребенокъ, со словъ матери, называлъ его fanfaron. Ребенокъ не говорилъ иначе какъ пофранцузски. Черезъ пять лѣтъ, въ Іюль 1846 г. я пробылъ сутки въ имѣніи Жадочъ и нашелъ Варю семи лѣтъ. Она мнѣ нравилась по своей естественности и еще потому, что, не смотря на вниманіе всѣхъ къ мнѣ, семилѣтнее дитя совершенно мною не занималось. Я гулялъ съ нею, говорилъ объ урокахъ и ловилъ рыбу. Послѣ я не видѣлъ ея, хотя очень хорошо помнилъ и упоминалъ часто въ перепискѣ съ отцомъ, вслѣдствіе разговоровъ моихъ съ нимъ въ Петербургѣ, въ 1848 г., когда я жилъ на Садовой, въ домѣ Мюнстера (противъ сада Юсупова). Наконецъ я увидѣлъ Варю въ Августѣ 1857-го года въ Тулѣ. Это была дѣвушка во всемъ цвѣту. Она походила на отца и тетку Наталью, очень граціозна, съ свѣтскою выдержкою, и взглядъ на нее перенесъ меня въ 1830 годъ, когда отецъ былъ моимъ товарищемъ, а тетка героинею. Я пріѣхалъ въ Тулу изъ Калуги и былъ уполномоченъ княгинею Натальею принять участіе въ семействѣ, которое, послѣ смерти отца, въ 1855 г., было ограничено самыми небольшими средствами. Поѣздку 1857 г. я дѣлалъ для развлеченія послѣ смерти Саши, и настроеніе моего духа, особенно послѣ говѣнья въ Оптиной пустынѣ, было религиозное, мечтательное, насколько я способенъ при моей положительности. Сблизаясь съ семействомъ, подъ этимъ вліяніемъ грусти и прошедшаго, я долго вглядывался въ эту

новую Наташу, сравнивалъ ее съ кузинами, припоминалъ разговоры отца ея, въ проѣзды мои черезъ Тулу въ 1846—1856 годы, и во мнѣ родилось искреннее, живѣйшее участіе къ интересной Варичкѣ, и я не знаю, видѣла ли она, чувствовала ли она, когда въ избыткѣ этого участія я бралъ ее за руку и цѣловалъ въ лобикъ. Если бы пребываніе мое продолжилось, и я узналъ покорооче это сердце и эту головку, нѣтъ сомнѣнія, что я готовъ былъ назвать ее дочерью и со всею искренностію доброжелательства заняться ея воспитаніемъ, помдчь дѣломъ и словомъ и выиграть ея довѣріе. Главное я находилъ, что она не получила солиднаго образованія и что самое воспитаніе ея совершается въ средѣ мелочей, близорукихъ и тѣсныхъ требованій. Я не замѣтилъ въ ней и тѣни кокетства или провинціального интересничества. Она говорила мало, всегда скромно и умно, подавалась на совѣты, соглашалась учиться, просила дозволить ей читать нѣкоторыя повѣсти, занималась живописью, жила уединенно, любимая матерью и родными. Мнѣ она очень понравилась, и я полюбилъ ее какъ милую родную. Потомъ разъ, два и болѣе мы видѣлись каждый годъ проѣздомъ черезъ Тулу съ Рябинки. Особенно понравилась она женѣ и шурина моему въ послѣдній проѣздъ нашъ черезъ Тулу въ Августъ 1859 г., и я признаюсь, едва-ли сердце отца порадовалось бы болѣе моего этому прекрасному впечатлѣнію молодой дѣвушки на людей мнѣ близкихъ, уважительныхъ и знающихъ свѣтъ. Съ Іюня эта милая Варя со мною. Я опредѣлилъ ея положеніе ко мнѣ, какъ племянницы къ дядѣ, стараясь сблизиться съ нею до фамиліярности ближайшаго родственника и до нѣжнаго участія преданнаго друга. Она пробыла у насъ до 21 Августа, и я хочу дать отчетъ о ней и записать для памяти и по-вѣрки. Она очень умна, находчива, уживчива и способна. Но это уже не ребенокъ, и развитіе ея окончательно выразилось во вкусахъ, привычкахъ и стремленіяхъ. Огромная начитанность новѣйшихъ Русскихъ повѣстей (Тургеневъ и гр. Л. Толстой ея идеалы) препятствуетъ впечатлѣнію всякаго серьезнаго чтенія, и эта умненькая головка не признаетъ никакой другой мудрости кромѣ повѣстей, стиховъ Лермонтова и проч. и критики Бѣлинскаго. Говорить, спорить, болтать—страсть ея. Она неистощима и безъ усталости. Она не любитъ женщинъ и особенно писательницъ и всегда говоритъ и дѣйствуетъ подъ влияніемъ заранѣе принятыхъ понятій своихъ писателей. Она занималась и музыкой и рисованьемъ, но и самое качество любительницы доходить у нея до предпочтенія общеизвѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ, романовъ и пѣсень. Особенно она любитъ небольшой кружокъ молодыхъ друзей, мясной столъ и раза три-четыре въ день крѣпкій чай. Провинциализмъ со всѣми его увлеченіями отразился на ней вполне. Поразительны

мнѣ въ ней три черты: нелюбовь къ Тулѣ. Она въ началѣ Іюня уже открыто говорила, какъ непріятно ей будетъ туда возвратиться; я думаю, что молодая дѣвушка чѣмъ нибудь себя компрометировала. Потомъ: безцеремонность, съ которою она принимаетъ подарки. Она къ нимъ привыкла до того, что все что она имѣетъ, подарено ей. Третіе, по моему мнѣнію, важнѣйшее, это, какъ говорить ей мать и какъ раза три говорила сама она, недостатокъ сердца, недостатокъ участія, теплой любви и религіознаго чувства. Вотъ почему я со страхомъ смотрю на будущность этой милой дѣвушки и не вижу залоговъ счастья. 28 Іюня я долго говорилъ съ ней объ этомъ, когда изъ многократныхъ разговоровъ получилъ убѣжденіе, что въ Тулѣ и Калугѣ, съ кузиной Туту и теткою Варварою Самсоновною, онѣ постоянно заняты влюбленіями, живописными позами и жестами и стишками, и въ виду незавидной будущности предложилъ ей опору моей дружбы, помощь искренней преданности семейству, которому я такъ много обязанъ. Молю Бога, чтобы это предложеніе ограничилось одною благодарностію и чтобы опасенія мои были опровергнуты до очевидности. Я первый этому порадуюсь. 21 Августа.

*

Министръ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, по обыкновенію, принималъ насъ и съ восторгомъ выражалъ впечатлѣнія утонченной образованности Запада, о нашей отсталости, о возможности примѣненія чужихъ успѣховъ къ нашимъ нуждамъ, о бездѣйствіи нашего правительства въ послѣднія 30 лѣтъ. Особенно распространялся онъ о контрамахъ, для водворенія у насъ ремесленныхъ школъ, изученіе которыхъ поручено имъ г. Булычеву, о геодезическихъ сѣткахъ и картографіи и пр. Я рѣдко видѣлъ человѣка, который, будучи наименѣе всего поэтомъ, увлекался и обольщался бы такъ легко, какъ генералъ Муравьевъ, желающій образованности и не терпящій основныхъ началъ и условій ея. Я полагаю, что это не увлеченіе, а отвлеченіе, маска, ложь.

*

Крѣпостное дѣло подвигается. Въ концѣ Сентября оно будетъ внесено въ Главный Комитетъ. Я предвижу три препятствія для его успѣха.

1. Мнѣніе, рвеніе Русское въ этомъ дѣлѣ гадательной необходимости поостыло и встрѣтилось, по крайнѣй мѣрѣ равнодушнѣе съ реакціей, въ которой нѣтъ недостатка, которая уже показала и показываетъ себя въ Полицейскомъ Уставѣ и разныхъ полумѣрахъ.

2. Политическія событія отвлекаютъ Государя и правительство и могутъ отвлечь и наши бѣдные финансы, которыя, очертя голову, берутъ на себя всѣ возможныя гарантіи и безъ которыхъ дѣло освобожденія не разрѣшится.

и 3. Самое производство этого дѣла. Я обозрѣлъ его (и послѣднюю книгу, финансовой комисіи, о выкупѣ). Я долженъ подтвердить то мнѣніе, что централизація всегда проводитъ бюрократовъ, хотя бы въ ней засѣдали и свѣжія головы, Самарины, Черкасскіе, Галаганы и пр.; формализмъ и техника берутъ свое, и общія идеи невольнo укладываются въ обрядныя статьи, таблицы. Редакторы довели свои работы до схоластическихъ мелочей, и великая мѣра затрудняется подробностями. Существенные вопросы о надѣлѣ и выкупѣ развиты такъ неявно или такъ недостаточно, что для приложенія данныхъ правилъ необходимы инструкторы.

Главная ошибка столоначальниковъ редакціонныхъ комисій заключается въ томъ, что они многого, гораздо болѣе должнаго, ожидаютъ отъ регламентаціи. Она у нихъ на каждомъ шагу. Эта регламентація оппозиціи нашихъ акціонерныхъ обществъ остановила преуспѣяніе большей части ихъ, какъ она же препятствуетъ возникновенію земскихъ банковъ и всегда и во всемъ радикально поперечить началу, такъ громко высказываемому на словахъ, началу автономіи.

Другая ошибка регламентаторовъ состоитъ въ томъ, что, имѣя дѣло съ живымъ существомъ, они трактуютъ о немъ, какъ о тарифѣ въ молодой торговлѣ или о таксѣ въ нужное время, постановляя сроки, періоды, изыятія, пріоритеты и т. п. и забывая здѣсь, въ самой высшей степени, что законъ общенія или солидарности долженъ имѣть первое мѣсто.

Наконецъ, третья ихъ ошибка—это, если можно такъ выразиться, литературная обработка дѣла, на которомъ нельзя не замѣтить явныхъ слѣдовъ вліянія и при томъ преобладающаго вліянія, тереотиковъ, журналистовъ, писателей, напористо ополчающихся противъ комитетовъ и депутатовъ, часто нераціональныхъ, часто малограмотныхъ, но исполненныхъ своекорыстной предусмотрительности, мѣстнаго знанія и практическаго смысла.

Если предсѣдатель графъ Панинъ не задумываетъ обойти вопросъ дипломатически и убить опутавшее его большинство въ комиссіяхъ, то, зная гр. Панина, я удивляюсь вліянію современной торопливости на его тористскій характеръ и увлеченію его въ литераторскія умозрѣнія, научныя подраздѣленія и незрѣлыя канцелярскія работы. Онъ не думаетъ быть первымъ министромъ, и безъ внѣшняго толчка нельзя ожидать, чтобы наши министры искренно не думали о рѣшительныхъ реформахъ. Легко принимать гарантіи, какъ наканунѣ банкротства, еще неважное дѣло.

Настоящее время прогресса и гласности, самообольщеній и надуваній замѣчательно для меня и въ другомъ, или лучше, въ третьемъ

отношеніи. Отъ новаго Государя, особенно при извѣстной добротѣ его, и послѣ манифеста 26 Августа ожидали такъ много, поворотъ журнальныхъ идей, при ограниченіи цензоровъ, и желательныя измѣненія въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ были такъ незапны, что убѣжденія и привычки не успѣли выровняться и, столкнувшись съ новыми порядками, выразились въ невольномъ раздраженіи, дикими поступками, увлеченіями и уклоненіями, которыхъ не могло бы быть при нормальномъ состояніи общества. Это не дѣлаетъ чести и славы нашимъ правителямъ, но они сами такъ были огорошены манифестомъ 26 Августа и рескриптами 20 Ноября 1857 г., что не отойдутъ до сихъ поръ и никогда не могутъ быть искренними и потому полезными служителями новаго времени.

Любопытно бы было собрать всѣ соблазны и отвращеніе возбуждающія продѣлки нашихъ спекуляторовъ, но не менѣе любопытны и тѣ случаи, которые оскорбляютъ молодыя ожиданія и уже теперь рѣзко бросаются въ глаза, по крайней мѣрѣ намъ, западникамъ и литераторамъ.

*

Умеръ нашъ комикъ Мартыновъ. По Русской охотливости изъ него хотѣли сдѣлать великаго артиста. Я видѣлъ его много разъ и хотя видѣлъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, но не считалъ его великимъ. Ему недоставало существеннаго: наружности и голоса. Онъ часто бросался въ пошлости, фарсъ и, пріучивъ насъ къ нимъ, представлялся очень смутно въ роляхъ серьезныхъ, за которыя онъ взялся въ послѣднее время. Замѣчательный талантъ этотъ развился бы прекрасно, если бы онъ вышелъ не изъ среды, почти лакейской, если бы онъ получилъ болѣе солидное образованіе, а не перепрыгивалъ изъ декораторовъ въ танцоры, изъ танцоровъ въ фарсѣры и если бы наконецъ усиленный голосъ похвалъ не удалилъ его отъ серьезнаго изученія искусства, которому онъ могъ служить съ отличною славою. Бѣдность и положеніе Русскаго актера давили его, а толпа и обѣды и заздравные стихи и пѣсни не могли привести его къ тому положенію, въ которомъ актеръ понимаетъ высокое свое достоинство и не смотритъ сучкомъ въ порядочномъ обществѣ. Говорять, онъ пилъ. Похороненъ съ шумомъ. Говорять, онъ оставилъ семейство въ бѣдности. Дочь его уже дебютировала *).

*) Встрѣча Мартынова въ Москвѣ на желѣзной дорогѣ и похороны его 13 Сентября были триумфальны. Я вижу въ этомъ явленіи два важныя стремленія: усиливающуюся гласность газетъ, по обольщеніямъ которой собрался этотъ народъ, хотя и городовые отвѣчали: хоронятъ генерала Мартынова, и исканіе личностей въ нашемъ общинномъ государствѣ, національныхъ людей въ нашей землѣ, гдѣ все принадлежитъ

Этапы новаго права слышатся все ближе и ближе. Династическое начало едва осмѣливается возвысить голосъ. Самая законность ищетъ опоры въ согласіи и признаніи. Францискъ II оставилъ королевство, оставленный всѣми; Наполеонъ не посмѣлъ настаивать на обѣщанное имъ возстановленіе законныхъ герцоговъ, Неаполь и папа падаютъ при совершенно хладнокровной страдательности Австріи. Гарибальди идетъ и входитъ по заранѣ обнародованной программѣ, становясь загадкою не только для Франціи, отобравшей его родную Савойю, но и для Сардиніи, стоящей во главѣ новаго права. Англія несомнѣнно и громко, Германія органомъ своего національнаго союза въ Кобургѣ, выражаютъ ему сочувствіе. Цари и государи сѣзжаются въ Баденѣ, Вирцбургѣ, Теплицѣ. Теперь слабѣющему началу нужна крѣпкая помощь Россіи и Государя. Сѣзжаются въ Варшавѣ. На престолѣ Русскомъ теперь не Николай, это правда; но и съ либеральными начинаніями Русскій царь и самъ Русскій народъ, не соединенный съ Европою ни образованностію, ни преданіями, еще долго будутъ въ глазахъ западныхъ національностей символомъ матеріальной силы, произвола и своекорыстія. Сѣздъ Варшавскій повредитъ династическому началу болѣе, нежели завоеваніе Венеціи.

Европейскія дѣла принимаютъ такой оборотъ, что испуганные короли не видятъ конца разлитію новыхъ началъ, представители которыхъ сѣхались и окружили Гарибальди въ Неаполь. Народное начало такъ говоритъ громко, что не даетъ спать не только въ Вѣнѣ, но и въ Парижѣ. Оно поступаетъ такъ увѣренно, что назначаетъ дни переходовъ и освобожденіе Савойи и Венеціи. Созрѣло ли это начало до такого могущества, сомнѣваюсь; но думаю, что этотъ громъ и эта увѣренность зашли слишкомъ далеко и поспѣшно и повредятъ успѣху, даже въ самой Италіи. Окруженный разнохарактерными Мадаини, Кошутъ, В. Гюго, Ледри-Ролленъ, Шварцъ и проч. и проч. управится-ли Гарибальди съ ихъ разногласіями, особенно въ присутствіи согласныхъ между собою, въ дни общей опасности, государей, къ которымъ по необходимости присоединяется и *le roi galant homme*. Столкновеніе двухъ началъ неизбѣжно и если побѣдитъ монархическое, сила и достоинство народнаго возвысятся уже и тѣмъ, что оно рѣшилось съ такимъ противникомъ столкнуться. За побѣдой послѣдуетъ реакція, она еще сообщитъ внутренней силы и внѣшняго развитія

хану. Это водвореніе гласности и начатки общественнаго участія есть заслуга современныхъ литераторовъ, и конечно много смѣлости нужно, чтобы противопоставить имъ Николаевскіе запреты въ виду Европейскаго развитія, но тѣмъ не менѣе заслуга несомнѣнна и достохвальна.

побѣжденнымъ, и при новомъ столкновѣніи (не отдаленномъ) народное начало возьметъ верхъ окончательно.

Мы, совершенно чуждые созрѣвшимъ партіямъ западныхъ народовъ, мы, во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ (во всѣхъ) принимаемъ и выражаемъ живѣйшее участіе къ Гарибальди и его успѣхамъ. Непонимаю, какъ правительство не хочетъ видѣть въ этой аномаліи вопіющаго противорѣчія существующему порядку и какъ наши консерваторы (они у насъ есть) не подумаютъ основать свой органъ, хоть въ родѣ „Землевладѣльцевъ“ Желтухина. Говорятъ, была попытка, по программѣ Тимашева и Адлерберга, но не состоялась: доказательство, что воцаряющееся народное начало ослабляетъ самыя убѣжденія, съ нимъ не вмѣстныя. Если присоединить къ этимъ соображеніямъ столкновѣніа на Востокъ и довольно равнодушную помощь соревнующихся троновъ избиваемымъ христіанамъ, то мы найдемъ объясненіе развѣ только въ материализмъ вѣка, подмывающемъ и собственность, и семейство, и индивидуальное достоинство. Но счастливы мы, живя въ этомъ вѣкѣ и благодаримъ Бога за честь приобщенія насъ къ совершающимся событіямъ, въ которыхъ проявляется все таже великая, вѣковѣчная истина Божія. Amen.

*

Мы думаемъ преобразовать лѣсную стражу. Расхищеніе лѣсовъ производится систематически. Внесенный ко мнѣ проектъ, составленный довольно жалко, какъ почти всѣ работы ослабленнаго новобранцами нашего управленія, предполагаетъ учредить стражей и объѣзчиковъ съ жалованьемъ или доходомъ отъ земельного надѣла, первымъ отъ 50 до 75, а вторымъ отъ 100 до 120 рублей и съ усадьбой. Я нахожу, что Курляндская система эта могла бы быть примѣнена у насъ къ офицерамъ и кондукторамъ, но при значительной численности корпуса стражей надѣлъ ихъ такими большими участками будетъ разорителенъ и дастъ поводы къ злоупотребленіямъ. Самый размѣръ малъ: что за обезпеченіе 50 и даже 120 р.? При разсмотрѣніи дѣла мнѣ удалось провести эту мысль, что стражники не должны считаться военными и что они, какъ служащіе, должны быть изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній за проступки и имѣть надежду хотя на небольшой пансіонъ. Министръ, по предварительнымъ объясненіямъ, не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Я считаю главною порчею у насъ эполеты: эта фронтонщина все сводитъ къ дисциплинѣ, къ пассивному повиновенію и всякой терпимости. Я надѣюсь отстоять эти начала и думаю, что они возвысятъ значеніе стражниковъ, которые нынѣ имѣютъ положеніе деньщиковъ у лѣсничихъ. Но боюсь, что генераль Муравьевъ, и согласясь, не рѣшится приступить серьезно къ исполненію этого. Я замѣ-

чаю, что съ нѣкотораго времени онъ все останавливаетъ и, будучи сытъ и даже пресыщенъ, довольствуется докладомъ Государю, что подати и сборы возвышены, поступаютъ исправно и улучшение управления несомнѣнно. Бѣдный Государь всему вѣритъ и какъ напуганный со всѣмъ соглашается. Это положеніе всѣхъ реформаторовъ, увлекаемыхъ вѣкомъ.

Въ Рязанской губерніи, 23 Сентября, умеръ извѣстный Славянофиль и замѣчательный литераторъ А. С. Хомяковъ. Если бы онъ скончался въ Москвѣ, его похоронили бы какъ національнаго человека, какъ Гоголя и Грановскаго. Это дѣйствительно былъ замѣчательный любитель наукъ, поэтъ и собесѣдникъ Московскій. Его погубили многообразіе занятій и исключительность направленія. Онъ во всемъ желалъ казаться мастеромъ, техникомъ, специалистомъ и всегда старался стать на свою точку зрѣнія. Для свѣта богословскія, историческія и даже хозяйственныя свѣдѣнія его были поразительны. Имъ удивлялся и энциклопедическій министръ гр. Блудовъ. Изъ сочиненій его „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“ замѣчательны своею историческою невѣрностію, Германской идеализаціей. Мелкія стихотворенія его, по мысли, по глубинѣ и блеску, впрочемъ, превосходны. Въ послѣднее время, въ статьяхъ и рѣчахъ, онъ пустился въ полемику и публицистику, и онъ ему не удалось. Ему недоставало возвышенности спокойнаго созерцанія, безъ котораго нѣтъ безпристрастія и довѣрія. Пристрастіе его сдѣлало изъ воскресшаго „Общества любителей Россійской словесности“ какую-то ложу единомышленныхъ Славянофиловъ. Но онъ былъ прекрасный человекъ, какъ семьянинъ и пріятель. Я видывался съ нимъ въ 1850 г. у А. Е. Шиповой и М. П. Погодина. Мнѣ не понравился онъ безусловнымъ порицаніемъ Европейскихъ заимствованій и всѣхъ дѣйствій правительства, о которыхъ онъ не имѣлъ даже приблизительно точныхъ свѣдѣній. Вообще онъ былъ діалектомъ и отличался отрицательнымъ умомъ, въ чемъ соперникомъ ему въ Москвѣ, между многими, былъ Чаадаевъ. Какъ matka Славянофиловъ и полигисторъ, Хомяковъ былъ одною изъ замѣчательностей нашей древней столицы. Надобно ожидать изданія полнаго собранія его сочиненій. Они будутъ поразительны своимъ разнообразіемъ и отрывочностію.

Сегодня я былъ на выставкѣ Вольнаго Экономическаго Общества, которая расположена въ Михайловскомъ манежѣ, съ его задними дворами. Такъ какъ эта выставка должна быть Русскою—преимущественно сельско-хозяйственною,—то въ Петербургѣ, въ Октябрѣ, она превратилась въ какое жалкое, худенькое Европейское собраніе, въ которомъ главную роль играютъ машины, выписанныя нашимъ министерствомъ и доставленныя Англичанами и Французами. Для публики играть

оркестръ музыки. Порядочно темно, сыро и даже грязно. Я еще раза два посѣщу ее для ближайшаго ознакомленія, а теперь записываю только непріятное впечатлѣніе, которому впрочемъ много способствовали толки, программы, комитеты и раззорительные расходы министерства. На двѣ преміи (есть что поощрять!) министерство ассигновало 20 т. р.: мало, для поощренія сельскаго хозяйства въ Россіи, но непомѣрно много для бѣдной выставки Михайловскаго манежа. Но должно замѣтить, есть экземпляры произведеній достойные большаго вниманія.

Государь, отправляясь на Бѣловежскія охоты и Варшавское свиданіе, приказаль гр. Панину внести 10 Октября въ главный комитетъ крестьянское положеніе, составленное редакціонными коммисіями. И такъ дѣло двигается.

Читаю я Записки И. В. Лопухина, во 2 ч. Четвѣй Москов. Общ. Истор. 1860 г. Любопытный документъ. И это былъ лучший, благороднѣйшій и образованнѣйшій членъ знаменитаго общества, Овидій между Скиѣами; а между тѣмъ, устраните масонскія воззрѣнія, цѣликомъ взятыя съ Французскаго, какое младенчество понятій, знаній и—самыхъ желаній! Какой недостатокъ самостоятельности Русской даже въ виду этого Татарскаго порядка графовъ Брюсовъ, кн. Прозоровскаго, могущественнаго бродобрѣя Кутайсова, сыщика Шешковскаго и ловкаго взяточника Безбородки и многихъ. Но двѣ строчки Лопухина заставляютъ любить Репнина. Хотя я его знаю по прежнимъ источникамъ и особенно по Запискамъ гр. Я. Е. Сиверса, но мнѣ хотѣлось бы поближе узнать этого друга, дружбою котораго благородный чловѣкъ хотѣлъ прославиться въ чловѣчествѣ.

Слушая отчетъ объ Уваровскихъ наградахъ за лучшія драматическія произведенія, невольно подумаешь, что академія наша намѣрена отказаться отъ всякихъ теорій *à priori* и *à posteriori* и идти за хвостомъ Александринскаго театра.

Упадокъ ученаго достоинства, правда, немного педантическаго, нашего ученаго сословія, со времени Русскаго его направленія при гр. Блудовѣ и секретарѣ Веселовскомъ, весьма ощутителенъ, особенно въ лицѣ послѣдняго, какъ главнаго его представителя. И Фуссъ и Миддендорфъ были не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, но Веселовскій не имѣеть за себя даже и правъ спеціальности.

Justitia конечно не должна быть ни теоретическою, ни (увы!) Евангельскою истиною. Дѣйствительность имѣеть свои верховныя права. Политика уже довольно вліятельна на законодательство; если же она будетъ втираться и въ правосудіе, гдѣ будетъ истина юридическая, третья истина послѣ Откровенія и математики, и гдѣ огражденіе права и обязанности? Читая преміи Нѣмецкихъ юристовъ на

Берлинскомъ създѣ, выслупивая даже Римское предложеніе Левальда, практика, опытъ дрожать за эту истину и это огражденіе. Требованія лучшихъ людей еще не доказываютъ нужды многихъ и всѣхъ, и въ увлеченіяхъ доктринъ и партій она, эта практика, не можетъ искать рочательствъ по крайней мѣрѣ того сноснаго безпорядка, который именуется современнымъ порядкомъ.

Сидя эти два дня дома, я прочелъ, между прочимъ, романы г-жи Кохановской, автора „Послѣ обѣда“, „Изъ портретной галереи“ и „Гайки“. Эта талантливая писательница имѣла большой успѣхъ, и дѣйствительно описанія положеній и картинъ а иногда и типовъ, замѣчательны по ширинѣ, наблюдательности и мѣткости разсказа. Видна какая-то незрѣлость въ преувеличеніи, нерѣдко изысканность положенія, но кисть ложится смѣло, колориты богаты, и отгѣнки, покрайней мѣрѣ въ частностяхъ, нерѣдко поразительно вѣрны. Она любитъ природу, преимущественно степи, любитъ патриархальный бытъ въ противорѣчии со втирающеюся образованностію и Русскую могучую натуру въ хорошихъ ея проявленіяхъ. У г-жи Кохановской принципы, тенденціи, даже характеры едва замѣтны, самое развитіе событій торопливо, и нѣтъ-нѣтъ да и вернетъ скачкомъ или перемѣжится описаніемъ. Разговоръ всегда естественъ, но болѣе по тону, по говору, по выраженію; дѣйствіе слабо. Картины всегда прекрасны, языкъ вообще чистъ, хотя обороты оригинальны, и читается легко. Мужчины у нея всегда лучше женщинъ, довольно безцвѣтныхъ; мужчины молодцы, удалцы. Въ послѣдней повѣсти о Гайкѣ замѣтно какое-то вліяніе Тургенева и въ свободѣ Мины есть что-то отъ Елены, а въ панивоеводшѣ—бабушки-Лизы. Молодцоватые типы какъ-то напоминаютъ прошлое время, и сочетаніе этихъ наѣздниковъ съ новыми Бѣлорусскими имѣетъ свою долю интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Кохановская молодая женщина и что, при изученіи и зрѣлости мысли и навыка, талантъ ея общается усовершенствоваться и подарить насъ еще лучшими произведеніями.

Только и слышишь: Государыня-мать умираетъ, Государь застрѣлилъ въ Бѣловѣжѣ пять зубрей, Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ Неаполь, крѣпостной вопросъ вступаетъ въ главный комитетъ и, думаютъ, выдержать осадное положеніе. Цари съзжаются въ Кобленцѣ и Варшавѣ, Австрія даетъ конституцію. Какія событія! А важнѣе всего для меня слова манифеста Неаполитанскаго короля: *ma politique ne sera peut être pas inutile pour reconcilier en Europe le progrès des peuples avec la stabilité des monarchies*. Такъ-ли это, вотъ вопросъ, а не слѣдуетъ ли вмѣсто *monarchie* сказать *unité*, а вмѣсто *stabilité*—*opportunité*. Удивляюсь какъ примѣръ Англіи не убѣдитъ царей (народы уже убѣж-

дены) что личность правительства умаляетъ власть и что постоянство основывается на необходимости, а необходимость на пользѣ, выражаемой поголовными цифрами.

Утвердится-ли Австрійская монархія съ своимъ представительнымъ совѣтомъ и самоуправленіемъ провинцій? Зачѣмъ государи ждуть необходимости, чтобы подчиниться контролю, когда дѣла дошли до крайности? Мы поступимъ также.

Между тѣмъ какъ въ нашемъ крѣпостномъ дѣлѣ элементы законности и самоуправления играютъ такую важную роль, какую едвали и либеральный Киселевъ рѣшался ввести въ крестьянахъ казенныхъ, въ управленіи этими крестьянами много указаній, которыя, по крайней мѣрѣ, не подтверждаютъ стремленія нашихъ редакціонныхъ реформаторовъ. Въ отношеніи самоуправления я говорилъ о колоніи потомковъ Сусанина, которымъ Николай I далъ автономію, утвержденную совершеннымъ устраненіемъ полиціи и губернскаго управленія. Колонія эта въ такомъ упадкѣ, что едвали для спасенія ея не нужно усилить надъ ними власть становаго пристава.

Не менѣе поучительное явленіе представляютъ половники. Вскорѣ по учрежденіи М-ва Имуществъ гр. Киселевъ приступилъ къ устройству и этого движимаго имущества, пребывавшаго въ батрачествѣ у помѣщиковъ изъ половины прибыли, и 10 Апрѣля 1840 г. издано положеніе о переселеніи ихъ, какъ вольныхъ людей, на казенныя земли, съ разными пособіями и льготами, и утверждены обязательныя для помѣщиковъ условія, на которыхъ половники могли оставаться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Половниковъ, по 9 ревизіи, считалось (1517 семействъ), 5570 человекъ (у Кеппена показано только 3217), и на нихъ болѣе 40 т. недоимки въ подушной и земской подати, хотя послѣдняя къ нимъ вовсе не относится. Мѣра переселенія и законности отношеній по формальнымъ условіямъ совершенно не удалась. Такъ какъ препятствіемъ признавалась недоимка, то 1 Юля 1845 г. вся недоимка сложена. Но и за симъ, не смотря на пособія деньгами, скотомъ и лѣсомъ и на льготы, переселеніе удалось едва въ половину, и по отчетамъ, черезъ 15 лѣтъ, показано переселенными 2291 душа. Такъ трудно устраивать сельскихъ обитателей, и едва ли казна и половники выиграли отъ этой мѣры, конечно, добровольной, но данной правительствомъ, вліяніе котораго всегда, соединено съ стѣсненіемъ, злоупотребленіемъ и принужденіемъ, всегда если его не просятъ, а оно само напрашивается. Дайте жизни свободу развитія, т. е. устраняйте препятствія, но не дерзайте регламентировать ее, особенно въ нашей раздольной Россіи, гдѣ такъ дики привычки и такъ шатка регламентация, не говоря уже о другихъ ея качествахъ. Вологодскіе половники,

какъ Тулузскіе переселенцы въ Тавридѣ, составляютъ видъ крѣпостнаго права, ибо половина недѣли или половина прибыли разницы немного.

Австрія успокаиваетъ свои народы конституціею и проситъ свиданія съ Россіею. Россія отсылаетъ своего посланника изъ Турина и приглашаетъ въ Варшаву Пруссію. Нота кн. Гагарину 10 Октября (28 Сентября) замѣчательна своею опредѣлительностію. Англія пишетъ Пьемонту: повремени, поберегись. Пруссія отвѣчаетъ нотою, послѣ свиданія Регента и Королевы и ихъ министровъ, въ Кобленцѣ, 25 (13 Октября), и эта нота, первый актъ, рѣшившійся опровергнуть ученіе (memorandum) новаго права, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я нахожу, что онъ съ начала до конца представляетъ несостоятельность прежняго, дѣйствующаго права и, выражая слабыя основанія его защиты, осуждаетъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что, не удовлетвовавшись отрицательными и благородными доводами министровъ Франциска II-го, актъ Прусскаго правительства, по Нѣмецкому обычаю, пускается въ общія разсужденія, которыя безобидно можно назвать общими мѣстами. Мы внушаемъ слишкомъ много довѣрія, вѣры, и этимъ вредимъ успѣху, какъ вредитъ образованности, т. е. преуспѣванію, первобытно принятая вѣра, вѣра на вѣру, которая, дѣйствуя на одни чувства, оставляетъ умъ въ невѣжествѣ, а сердце въ невѣдѣніи или невозможности отдѣлиться отъ предчувствій и предубѣжденій.

Обскурантизмъ митрополита Григорія, кажется, продолжится, а безъ знанія вѣрованіе безсильно и противорѣчитъ вѣку. Близорукіе защитники, какъ мелкая помощь и слабыя подпорки, только упрочиваютъ паденіе и не внушаютъ продолжительности. Изданіе Русскаго Евангелія, переводовъ книгъ Библии и множество повременныхъ сборниковъ, съ колоритомъ довольно свѣтскимъ, показываютъ уступку важную и со стороны правительства, и со стороны духовенства; но пользы нельзя ожидать, а развѣ той, что византійство церкви нашей ослабитъ и вторженіе протестанскаго духа усилитъ. Недовольствуясь формализмомъ и обрядностію, правительство, со временъ Петра, готово ввести въ церковныя учрежденія и элементъ фрунтовой, назначая Ягужинскаго, гр. Протасова, гр. Толстого, котораго даже сочли нужнымъ повысить чиномъ лейтенанта при назначеніи. Я полагаю, что кн. Сергѣй Урусовъ много бы выигралъ съ подобнымъ повышеніемъ.

Скончалась Императрица-мать или кончается. Она прервала Варшавское свиданіе, и это ея послѣдняя заслуга. Ни малѣйшаго сожалѣнія ни при дворѣ, ни въ городѣ. Охаютъ старыя директриссы, класныя дамы и окружающіе. Надобно ожидать литературнаго манифеста, большой помпы, небольшихъ наградъ и завтрашняго дня, послѣ кото-

раго, не говоря объ официальном траурѣ, не будетъ и помину о старушкѣ. Объ ней впрочемъ мало говорили и при жизни. Она любила наряды до страсти, любила танцевать до упаду, и вѣшность заведеній и миловидность ихъ воспитанницъ поглощали все ея вниманіе. Роптали на поощреніе ея роскоши, на заграничныя поѣздки и на ежечасную суетность ея обыденной жизни. Но и ропотъ не отвергалъ въ ней много вкуса въ костюмахъ, граціозности манеръ и отсутствія даже попытокъ политическаго вмѣшательства. Она терпѣла Варвару Нелидову и не терпѣла Елену Павловну. Съ 1855 г. ложное положеніе ея вызывало неудовольствія, и она переживала ихъ въ Ниццѣ, почти оставленная дочерьми и сыновьями. Говорятъ, что 14 Декабря 1825 имѣло на нее потрясающее дѣйствіе, но почти всѣ сыновья и меньшая дочь родились послѣ этой эпохи. Говорятъ, что кротость ея имѣла вліяніе на жесткій характеръ ея мужа, но вѣроятно это имѣло мѣсто въ какихъ нибудь мелкихъ и частныхъ случаяхъ любимцевъ и прислуги двора. Въ династическомъ отношеніи она не имѣла никакого значенія. Должно обвинять время, когда она родилась и выросла: она не имѣла никакого просвѣщенія и характера и если отличалась хорошими семейными качествами, то такими, которыя исходятъ изъ ничтожества и пріятны деспоту. Смерть старухи должна развязать руки молодой Императрицѣ, и надобно ожидать, что съ преобразованиемъ IV Отдѣленія начнутся преобразованія женскихъ учебныхъ заведеній, которыя процвѣтали въ pendant военнымъ.

Наше безвыходное крестьянское дѣло, вступивъ въ новую стадію и готовясь къ окончательной развязкѣ, ошеломило нашихъ государственныхъ людей. Внеся въ среду свою научный элементъ въ степени болѣе нежели нужно, государственное управленіе наше, какъ на Западѣ, подняло такіе вопросы, въ которыхъ и теоріи предлагаютъ десять обходовъ, не указывая прямого исхода, и которые, превосходя силы управленія и насильствуя дѣйствительность предупреденіемъ ея требованій, вносятъ въ жизнь запутанность, столкновеніе и часто безвыходное положеніе. Въ этомъ положеніи теперь мы, хотя сдѣланныя противъ рескриптовъ 1857 г. измѣненія нѣсколько облегчили задачу. Всѣ это чувствовали, многіе знали и говорили; но важность дѣла явилась во всей полнотѣ своей только теперь, когда изготовленные проекты представлены для утвержденія.

Дѣйствительно, впечатлѣніе этихъ громадныхъ работъ, совершенныхъ въ губернскихъ комитетахъ и особенно въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, поразительно, и едва ли когда нибудь было столько толковъ, жизни и трудовъ какъ въ это время по этому всеобъемлющему вопросу. Но при краткости времени, очевидно, все это шло поспѣшно, слѣдо-

вательно опрометчиво и при раздражительности увлеченій, односторонне. Надобно удивляться смѣлости редакторовъ, и ничего не будетъ удивительнаго, если послѣдствія ихъ предначертаній не оправдаются на дѣлѣ. Чтѣ за осадное положеніе, и отчего эта поспѣшность? Генераль Ростовцовъ уже во всеподданнѣйшихъ письмахъ назывался на редакціонную работу. Въ Февралѣ 1859 г. учреждены редакціонныя коммисіи, когда не было ни одного губернскаго положенія, и 4 Марта приступили къ работамъ, когда поступило только 6. Дождавшись кое-какъ 21, въ числѣ которыхъ Астраханская, Черниговская, Вятская, Витебская и даже Минская и др., коммисіи заключили свой первый періодъ 5-го Сентября, не имѣвъ ничего цѣлаго, не имѣя возможности остановиться на чемъ нибудь окончательномъ. Самый важный трудъ этого періода, составленіе и разсмотрѣніе возраженій вызванныхъ изъ губерній членовъ, совершено съ 25 Августа по 5 Сентября. Едва ли работалъ такъ и Юлій Цезарь. Надобно было отложить: ропоть депутатовъ былъ общій. Второй періодъ работъ съ 5 Сентября 1859 по кончину генерала Ростовцова обнималъ остальные 22 губерніи и особенныя мѣстности. При графѣ Панинѣ, съ 6 Февраля, нѣкоторое время работы продолжались подъ руководствомъ г.г. Булгакова и Милютина и когда вступилъ новый предсѣдатель, ему доложили, что почти все кончено и если что осталось, то это особенныя мѣстные вопросы или спеціальныя предметы, разсмотрѣніе послѣднихъ мнѣній членовъ второго вызова и кодификація. Гр. Панинъ, разъ заявивши Государю объ окончаніи работъ, приказалъ все это вести *паралельно*. Попытки его поколебать прежнія, принятая, положенія были встрѣчены огромною оппозиціею, и тогда знаменитый предсѣдатель оконченныхъ работъ, воспользовавшись поѣздкою Государя въ Варшаву, доложилъ и потомъ объявилъ повелѣніе: „закрыть редакціонныя коммисіи 10 числа сего Октября и передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря“. Оппозиція предчувствовала этотъ исходъ, и поспѣшныя работы пошли еще поспѣшнѣе, отсрочка отнесена на счетъ корректуры. Коммисіи постановили: „наблюденія за тщательною корректурою записокъ, проэктвъ и приложений возложить на членовъ и по отпечатаніи оныхъ представить предсѣдателю. Гр. Панину оставалось подчиниться. Но къ чему вся эта поспѣшность? Къ чему эти крючковатые извороты при Ростовцовѣ, съ депутатами, и послѣ смерти его, съ Панинымъ? Надобно теперь заняться разборомъ составленныхъ положеній. Уже и бѣглое ихъ чтеніе объясняетъ то поразительное впечатлѣніе, которое выразилось при самомъ приступѣ Главнаго Комитета къ дѣлу. Такая сложность, систематическая дробность, формалистика со всѣми вѣрованіями въ ея огражденіе и мало

усвоенная редакція—все это носить несомнѣнные слѣды вліянія Московскихъ ученыхъ, съ ихъ разсужденіями объ искомой осѣдлости, чуждой племеннаго наслоенія, о счастливой возможности для Россіи обнять сразу весь предстоящій путь отъ перваго приступа къ дѣлу до окончательнаго выкупа земель и о самоуправленіи и пр., и вліянія Петербургскихъ чиновниковъ и ихъ мирнаго посредника съ ихъ формальнымъ довѣріемъ къ незаконнымъ сходамъ міра и къ удостовѣреніямъ мирнаго порядка и полиціи и т. п. и вліянія нашихъ, Русскихъ, министровъ, изъ которыхъ одинъ выкупаетъ повинности за землю, другой дозволяетъ выкупъ земель по Нѣмецкой оцѣнкѣ ихъ (таксація), а третій предписываетъ правила оброчнаго пользованія, какъ напр. въ Крыму; четвертый же, какъ наприм. по горному вѣдомству, затрудняется въ предоставленіи и личной свободы.

Я очень занятъ пріостановленнымъ мною дѣломъ о Каспійскомъ рыболовствѣ. Оно огромно, и я намѣренъ подвергнуть его всестороннему разсмотрѣнію, если окажутся достаточными современные матеріалы, довольно обширные.

Оптимизмъ—пессимизмъ: все равно, безотчетное вѣрованіе; и оно всегда жалко, пріобрѣтаемъ-ли право гражданства или обманываемъ себя и другихъ. Я не лучшаго понятія и о Стоикахъ. Цицеронъ правъ, говоря Долабеллѣ: гоняясь за лучшей республикой, не потерять бы намъ и той, какая есть. Все временно въ этой временной жизни. Пессимисты и оптимисты являются въ эпохи разслабленія и оплошности, какъ вѣрованіе въ случайность и всякую ловкость удали, въ порчи. Справедливъ знаменитый поборникъ свободы (liberty), говоря: для управленія грубымъ народомъ настоящая форма есть господство власти, если оно имѣетъ цѣлю его усовершеніе и оправдываетъ достиженіе этой цѣли дѣйствительными послѣдствіями. Свобода, какъ начало, непримѣнима къ тому порядку вещей, который предшествуетъ времени, когда люди дѣлаются способными усовершаться силою свободныхъ и мирныхъ убѣжденій. И я бы желалъ подчиниться этой власти.

Анархія большая во всемъ. Потеряно равновѣсіе силъ, и центроптельная затянулась и слабѣетъ во всемъ, въ наукѣ, въ управленіи, въ нравахъ, въ дисциплинѣ, въ стремленіяхъ, въ обыденныхъ понятіяхъ. Экцентричность не въ модѣ, но въ безвозбранной свободной волѣ она сильна, особенно въ прежнихъ страдательныхъ положеніяхъ. Дѣвицы, дамы, старухи выражаютъ свободу фактически. Молодежь развертываетъ знамя самостоятельной и отчетливой дѣятельности. Убѣжденія въ освобожденіи національностей, въ потрясеніи права собственности, даже въ торжествѣ крестьянскаго кулака и т. п. передаются столь же открыто, сколько и легкомысленно. У насъ, при нашей не-

образованности, нельзя рассчитывать на обузданіе путемъ проповѣди духовенства, которое едва ли не хуже всѣхъ другихъ сословій и при которомъ (только при немъ) могли родиться и ходить въ народѣ такія „Легенды“, „Стихи“ и „Пѣсни“. Мы способнѣе другихъ выказывать цинизмъ.

Меня разсердилъ рассказъ объ увольненіи воспитателей Наслѣдника (генераловъ Зиновьева, Гогеля и Казнакова) и донесеніе о дѣйствіяхъ нашихъ въ Крыму, съ Татарами. Къ этому присоединилось и объясненіе съ товарищемъ мин-ра по дѣлу о производствѣ ожидаемаго рекрутскаго набора (Дѣло 1-го д-та III отдѣл. 3 стола 1859 г. № 264). Какъ мы поступаемъ съ народомъ! Но есть и пріятная вѣсть: назначеніе П. А. Валугева на мѣсто Суковкина. Это выборъ прекрасный, и желательно видѣть его и въ другихъ частяхъ, напр. въ финансахъ, гдѣ несчастные реформаторы не знаютъ куда склонить голову: долговыя обязательства уплачиваются займами, а обязательства увеличились до 40 м. Въ послѣдніе годы, кредитный рубль упалъ и возвысилъ всѣ цѣнности; ни хорошая, ни дурная монеты не держатся, все прячутъ или везутъ за границу. Въ запискѣ 26 Ноября, внесенной въ финансовый комитетъ, министръ требуетъ продажи казенныхъ имуществъ, усиленія производительности и ограниченія расходовъ. Валугевъ этого не поправитъ, но онъ уменьшитъ непотизмъ, шлендріанъ и фаворитизмъ, на которые въ министерствѣ курсы поднялись и понизили всѣ цѣнности до крайности.

Кончается старый и наступаетъ новый годъ, 1861-й. Тяжелъ, важенъ и грозенъ былъ старый годъ, но въ движеніи идей и событій онъ шелъ смѣлѣе, и оттого послѣдовательнѣе; онъ былъ счастливѣе и оттого умѣреннѣе. Воцареніе демократіи совершилось, и съ нимъ началось разложеніе мѣстностей, корпорацій, наслѣдственности и династій. Мѣстности наполнились національностями, корпораціи компаніями, наслѣдственность—способностями. Династическое начало въ самомъ ложномъ положеніи. Представителемъ національности является Гарибальди, душа добрая, умъ предприимчивый, правдивость самоувѣренная. Развитие компаній дошло до того, что накопленные Западомъ капиталы такъ наводнили Востокъ своими предпріятіями, что въ Россіи и Турціи расходы на производство превзошли ихъ матеріальныя средства и, подорвавъ кредитъ, потребовали гарантій едва-ли исполнимыхъ. Въ Россіи министръ финансовъ сознается, что нечѣмъ платить процентовъ, а о займахъ нечего и думать; въ Турціи отданы въ залогъ доходы, другими словами, назначена администрація или опека. Въ Россіи господствуетъ Перейра, въ Турціи—Миресь. Надобно ожидать, что слишкомъ натянутыя струны лопнутъ, и оскорбленное національное

достоинство—уже замѣтное и въ Сирійскихъ побоищахъ и вообще въ пробужденіи Мусульманской и Московитской дикости, возстанеть и приступяты къ учету. Способность доселѣ находить своихъ представителей въ журналахъ и газетахъ. Вліяніе ихъ ростеть съ демократіей и подмываетъ науку и власти. Представителемъ династическаго новаго начала, съ того времени какъ Наполеонъ долженъ былъ сказать Италіи *pec tecum pec contra, te* является Викторъ Эммануиль, стремящійся примирить „Божію милость“ съ требованіями развивающагося челоувѣчества, и какъ положеніе его вынужденно, то очевидно, что онъ въ зависимости и что господствующее начало другое. Назовемъ его по имени: республиканское. Для служенія ему теперь въ Европѣ полномъ властіе народа въ *suffrage universel* и полномъ властіи парламента, которое не допустило Гарибальди низложить Кавура, которое готовится разразиться надъ лордами въ Англіи и которое привело къ уступкамъ владыкъ Франціи. Полномъ властія требуютъ Германія, Австрія, Венгрія и—до Черногоріи. Замѣчательно одно явленіе. Въ двухъ величайшихъ имперіяхъ, въ Сѣверной Америкѣ и въ Россіи, предлагаются законы, въ первой—объ узаконеніи и огражденіи невольничества, во второй—объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Попытки несовмѣстныя съ существомъ двухъ имперій. Другая атмосфера вѣетъ надъ свободными штатами, и отдѣленіе южныхъ не запретъ воздухъ, а лишасть поддержки (конечно, довольно слабой, въ судѣ и конгрессѣ) только ослабитъ безчелоувѣчное право плантаторовъ. Не созрѣли условія свободы и собственности въ Россіи, чтобы могло приняться и водвориться свободное сельское сословіе такъ быстро, такъ круто, какъ предполагаетъ Петербургская доктрина.

